

Автограф
49

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

49

**Вологда
2007**

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
ИЗБРАННОЕ	8
Галина Макарова	8
Сергей Богданов	9
Юрий Берсенев	11
МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ЧЕРЕПОВЦА	12
КРИТИКА	15
Наталья Усанова. Полет Елены Саблиной	15
Книжная полка	16
В МИРЕ РУБЦОВА	17
Э. Н. Баясова. Миниатюрные издания Николая Рубцова	17
Савелий Ямщиков (художник-реставратор)	18
Деревенские ночи	18
ПАМЯТЬ	20
З. И. Дубинина	20
Вячеслав Сергеевич Белков	20
Александр Дубинин	23
Сокровенное	23
КОРОТКАЯ ПРОЗА	27
Юрий Малозёмов. Зуб	27
Юрий Максимов. Бражка	29
Петр Кузьмин. Тайна святой Софии	31
ПРИВЕТСТВИЕ ВТОРОМУ ВСЕРОССИЙСКОМУ КОНГРЕССУ ЭКСЛИБРИСА В ВОЛОГДЕ	33
ГРАФИКА	34
Виталий Бакуменко. Он рисова буквы, как людей	34
Виталий Бакуменко. Памяти Валентина Едемского	37

~~На 1-й стр. обложки экслибрис работы художника В. Зелинского
(г. Дмитров)~~

XXI ВЕК. ЧТО МЕНЯЕТСЯ?..

Перенос (не снос, заметьте) прибалтами памятника воину-освободителю наделал много шума. Освистать «щепку в глазу» соседа наперебой старались все средства массовой информации. Нам что? Своё-то давно перенесли, а где и просто асфальтом закатали. Об этом кричать как-то не принято. Вот в г. Артёме Приморского края памятник Пушкину (копия Опекушина) сбросили ради пивнушки. Слышали? Нет, конечно... Теперь местные патриоты везут обезображенный памятник во Владивосток на реставрацию. А куда потом поставят? Это же опять местная администрация решать должна. Только чиновник ещё не понял, что все взятки с собой в гроб не унесёт.

Как всегда, актуальны строки великого русского поэта М. Ю. Лермонтова:
«Но, есть и Божий Суд...»

Редактор

Стихи последних лет

Михаил СОПИН

* * *

Были мы малютками...
В культурном режиме
Выросли ублюдками
И очень большими:
На шеях кресты.
Глазницы пусты.
К святыням всемирным
Спалили мосты.

ТЕМПЫ

Темпы новых хозяев:
Богатство. Гарь пороха. Урна.
Пресса. Жители. Пороха.
Опербригада, дела...
Над распятым рассудком
естественно и политбюрно —
Панихида и благовест.
Вопли и колокола.

Римма РОЖИНА

* * *

Я терпелива.
На моем терпенье
Спит старый пес, валяет рыбу кот,
Грызет сосед столетнее печенье,
Не моет стол и крошек не метет.
А за стеной хохочут истерично,
А под окном — в осколках наркоман.
Табачный дым под «аромат» «Столичной»
Нахально лезет в форточку-карман,
А в выходной старуха-маразматик
Очередной придумала каприз —
Да что с нес... Любимый мой за ватник
Купил пол-литра — это вот артист!
Все личное еще поправить можно,
Как изменить терпение страны
Полураздетой, грязной, бездорожной,
Где олигархи и бомжи равны?
Тем и другим весенние капли,
Тем и другим осенние дожди,
Тех и других мы как-то претерпели,
Прощая грех богатства и нужды.

Ни богачи, ни нищие не могут
Мою страну возвысить до небес.
Мы терпим их, пока угодно богу,
Пока ладошки потирает бес.
Но только мир качнется к середине,
Сомкнутся створки, выровняв края,
Они узнают, на какой пружине
Свои дела не по-мирски творят.
И кто тогда разбойников и пьяниц
От молотбы пружинной защитит —
Нахалка-лень или мошенник-глянец?
Вот поглядеть бы, кто куда слетит.

Виталий СЕРКОВ

* * *

Покидая опять бастион своего заточения,
Не желая того, чтоб кружила меня
кутерьма,
По стремнине гребу, что есть силы, я против
течения,
А навстречу несет столько хлама и просто
дерьма!

Кто там ждет, чтоб меня поглотила скорей
преисподняя?
Светлым Ангелом я до сих пор почему-то
храним.
Не спешите, на все в мире этом есть воля
Господняя,
Не надейтесь на то, что бываю смертельно
раним.

«Мне бы жить одному, забиваться в пустые
овинь»
Я давно написал, напророчив изгоя
судьбу,
И не смог одолеть в одиночку преград
половины,
Но завидуйте мне: я ведь против течения
гребу!

Ольга АЛЕКСАНДРОВА

О РОССИЙСКИХ СТАРИКАХ

Не купить им в магазине
Ни конфет, ни фруктов:

В потребительской корзине
Минимум продуктов. —

По карману был бы хлеб,
Да ещё б хватало
Валидола против бед —
Обойдутся малым.

Закалённые с войны,
Духом терпеливы —
Старики родной страны
Только тем и живы.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

На славу выдался денёк!
Мороз пощипывает щёки.
А за ночь выпавший снежок
Посеребрил пути-дороги.

Весёлый детский смех в саду,
И стариков живые лица...
Мир с зимней сказкою в ладу.
На первый снег не надивиться!

И жизнь, как праздник, хороша,
И всё в диковинку, всё вновь,
И снова полнится душа
Надеждой, верой и любовью!

Галина ШВЕЦОВА

ПРИХОД ТЕПЛА

Не отступит, казалось, вовеки зима —
Так повыстыли души и улицы.
Ан, гляди — началась во дворах кутерьма
И с капелью, и с первой курицей...

Вот и жгут костерки — убирается сор.
И душе очищения хочется.
И вороны весёлый ведут разговор
О минувшем своём одиночестве.

Снова кроны пастельны от робкой листвы,
Зеленеют лишь ветки сосновые.
И на ветхом лоскутике жухлой травы
Мать-и-мачехи пуговки новые.

Алексей ТКАЧЕВ

Н. Т. Б.

И все несусветно: —
И скука на старость,

И небо без солнца, и ветер на пламя!
И роскошь, и голод,
И сила, и слабость,
И тот буревестник, что реял над нами...

Столетние мифы
Развенчаны снова,
Забыта лавина накопленных знаний!
Но мир существует
В материи Слова,
И лишь отражается сутью сознания.

В изысканной речи
Дворцы и остроги —
Их сущность нелепа и в блеске, и в горе...
Лишь Время шлифует
Бессмертные строки
Поэзии света поэзией боли!

Елена ВИНОГРАДОВА

ГОРОДУ

Целый мир ему сродни —
Заспанному городу.
Педит мирро храм... Огни —
Господа... Но скоро тут
Будет свергнута их власть
Солнцем ископаемым!
И восток, зевая всласть,
С «Отче...», с писком, с лаяньем
Дня подмажет колесо!
Белкой в нём закрутятся
Тля бумажек, звон лесов,
Мелкой рысью улица!
И проявится, — как сон
Переводкой детскою, —
Явь. Потянется газон.
Крылья часек дерзкие
Раскачаются над Ним
С дуновеньем в ворота.

Не закончатся как дни —
Откровенья городу!

ПОСТ

С последним осени букетом
Ушла из сердца маята.
О, как терзала она летом! —
Звала то ползать, то летать.

Но вот уложила в копилку
Зима свой первый снегопад.
Неторопко, с хозяйской жилкой

Душа с усердием лопат
Взялась творить «дорогу к Храму»,
Круша заделы суеты.
... А ей вослед, уткнувшись в раму,
Глядели белые цветы...

Андрей КЛИМОВ

ЗАКАТ

Ну почему мне грешному нейдет,
Когда в зеленом море сосняка,
Захлебываясь, северное солнце
Цепляется лучом за облака...

Не плачь за лесом, колокол далекий...
Страхнув с себя все капельки обид,
Оно воскреснет завтра на востоке
И трехкратно мир перекрестит.

Наталья ЛЕБЕДИНОВА

* * *

Подари мне букет полевых незабудок,
Напоенных лучами и чистой росой.
Я, взглянув на него, вспоминать тебя буду,
Это жаркое лето холодной зимой.

Подари мне букет, просто так, но с душою,
Чтоб не веяло льдом от цветов голубых,
Чтоб дышали они только нежной любовью
И тепло бы хранили ладоней твоих.

Александр ЯКУНОВ

* * *

ЛЕА

телефонными ласками
мне тебя не согреть
избалованы сказками
мы боимся стареть
обрастать постоянствами
гнуть хребет день за днем
ощетинившись пьянством и
темноликим огнем
мы больны одиночеством
наши встречи не лгут
как по имени-отчеству
эту силу зовут
чем бы сердце не тешилось

лишь бы знало ее
да на шею не вешалось
как пустой медальон
оступаясь и падая
я настигну тебя
полуночной руладой
звонко в ухо трубя
но устами лукавыми
ты смеешься в ответ
или будем не правы мы
по простествии лет

Вера КОРИЧЕВА

* * *

Маме

Я убегаю по ступенькам
В детство
И вижу темный пруд в пролом
Забора,
Где ранним утром я ходила
С мамой,
И в том пруду купаются
Кувшинки.
Я каждый раз ждала его,
Как чуда,
Спускаясь вниз по улице
Покатой,
Меня вела задумчивая
Мама,
И было мне четыре
С половиной.
Так мы ходили с мамой
На работу,
И город просыпался
Деревянный,
И просыпался пруд его
Волшебный...
Я убегаю по ступенькам
Детства.

16 февраля 2007 г.

Илья КОРНЕВ

* * *

Уста младенца истину глаголят.
В словах нет лести, лжи и клеветы.
Последствия от фраз не беспокоят
И помыслы души его чисты.

Душа ребенка — вспаханное поле.
Что бросишь в землю — то и уродится.
В заброшенном — для сорняков раздолье,
В ухоженном пшеница золотится.

Известно в жизни много исключений,
Когда бывает все наоборот.
В семье у бедных — вырастает гений,
А у богатых — фирменный урод.

Константин ПАВЛОВ

* * *

Всегда о сыне думаю с теплом,
И только в нем встречаю понимание...
Молось, чтобы ты жил всегда светло,
Недолги были разочарованья.

Горжусь, что нет секретов от тебя:
В свои двенадцать лет ты много знаешь.
И оттого, по-своему любя,
Ты детские поступки
нам прощаешь.

Нет, не наивна детская душа.
Наивны те, кто этого не знает.
Кто, торопясь куда-то и спеша,
О самом главном
часто забывает.

Галина КОНСТАНСКАЯ

* * *

*«За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...»*

Н. Рубцов

Я за добро всегда плачу добром.
Добру я знаю истинную цену.
Святой любовью сохраняю дом
И не приемлю подлость и измену.

Но почему же за мое добро
Мне отдают фальшивую монету.
И для любви открытое окно
Не пропускает солнечного света.

Зло за добро, а за любовь измена.
Так многолика нашей жизни сцена!

1999 г.

Юрий МАКСИМОВ

ПРО НАШУ ГРЕХОВНУЮ ПРИВЫЧКУ

Опять дожди, опять туманы,
Опять снега, опять ветра,
Живём в стране как партизаны
И похмеляемся с утра.

Пускай греховны наши души
И ненасытна стала плоть,
Но коль упреки только слушать,
То грех такой не побороть.

Не зря сказал дружище Колька,-
Чего тут языком чесать,
Русак терпел лишений столько,
Что водкой стал себя спасать.

Иначе осердяся яро,
Начнём громить господ и слуг,
Тогда б её давали даром,
Лишь бы не трогал этих сук.

И супостата, иноземца
Нам приходилось побивать,
Спроси о том любого немца,
Как мы умеем воевать.

А разве можно на беседу,
Взяв поллитруху «на разгон»,
Не заглянуть порой к соседу,
Чтоб отдохнуть от наших жён.

Спасибо, водочка родная,
Покуда живы, будем пить,
За это — чарку поднимаю,
Нас никогда не изменить...

СПб. Июнь 2007 г.

Галина МАКАРОВА

ШУТКИ РАДИ

Твой поцелуй — пятьсот рублей,
А взгляд еще дороже.
В России нет тебя милей
И на планете тоже.

Зажму купюру в кулаке.
Подставлю я губенки —
Ты поцелуйчик на виске
Запечатлеешь звонкий.

Мой ангел, как ты горяча,
Какие глазки, бровки!
Как ты из старого хрыча
Умеешь вить веревки!

Два критика, два яда —
Нет между нами лада.
Вдруг в голове щелчок:
До ужаса, до дрожи
Я на тебя похожа.
Различие одно:
В твоём глазу сучок,
В моём глазу — бревно!

ЗНАК

Всю зиму болен был пиит
И счёл себя забытым Богом.
Но вот явился аппетит,
А это говорит о многом.

Когда он от болезни чах,
Владело им бессилье,
То даже речи о харчах
Ему противны были.

Теперь и ночью он идёт
На кухню полуголый —
Ему покоя не даёт
Неутолимый голод.

Он ест не покладая рук
Родным на удивленье.
Не булимия это, друг,
А знак выздоровленья!

*Как поздно вырастаешь в полный рост, —
Перестаёшь бояться просторечий...*

Г. Русаков

Я стала пуганой вороной
И слишком многого боюсь.
Боюсь я трассы оживлённой,
Пустынной тоже сторонюсь.

Боюсь анализов, прививок,
Метеосводок, телеграмм,
Боюсь мужчин, то злых, то лстивых,
Холодноглазых важных дам,

Боюсь болезней и увечий,
Боюсь, на лестнице споткнусь.
Но не боюсь противоречий
И просторечий не боюсь.

Как утешает мысль простая:
Теряя в чём-то, - вырастаю!

ЧИТАЯ РЕЙНА

В своих стихах Евгений Рейн
Открыл былого дали:
С Иосифом он пил портвейн,
Коньяк и «Цинандали».

С одними «Три семерки» пил,
С другими «Телиани».
И в граппе он тоску топил,
Когда бывал в Тоскане.

Увижу книжку на столе
Своих стихов, шалея,
И я тогда на «Божоле»
Деньжат не пожалею.

Благая окрыляет весть.
И суть ее бесценна:

Отменных вин не перечить.
Как и стихов отменных!

И ТЕ, И ЭТИ

Мир держится наивными людьми.
Всё в пользу этой простенькой идеи,
Иначе чем бы жили прохиндеи
И одурачиваемые мы.

Привет тебе, святая простота,
Добра и зла извечное подспорье,
Вечнозелёный дуб у лукоморья,
Живые сказки вещего кота.
Да здравствует доверчивый чудаки,
Целующий свою лягушку в темноту.

А впрочем, как показывает время,
Мир держится и этими, и теми.
Так было, есть и, верно, будет так.

Сергей БОГДАНОВ

ВЕХИ

(Маленькая поэма)

Рождение

Жить, не веря,
Что живёшь грехами.
Ценить не в меру
Сумасшедший век.
Верить людям,
Думать о маме,
Должен, наверное,
Любой человек.

Белые стены —
Прихожая жизни.
Ангелы без лиц
Открывают мир.
Каплями кровь
На стены брызнет —
Человечеству явлен
Новый кумир.

Господи, помилуй.
Господи, помилуй!
Дай ему силы, Господы!!!
Аминь...

Становление

Войны, катастрофы,
Людская злоба.
Законы Христа
Растоптаны в пыль.
Жизнь — не угробишь.
Смотрит в оба.

Не былое наше,
А наша былъ.
Мораль добродетели
Попрана, смята.
А чем подменили?
Не Бог весь чем.
Но тише...
Из праха растёт,
Что свято.
Среди порно — мыслей
И порно — тем.
ЧЕЛОВЕК —
Не пошлая
Людская масса.
Не безликое нечто —
Живей живых.
Созданный из нервов,
Костей и мяса.
Призванный пропеть
Заповедный стих...
Помоги ему, Господи!
Помоги...

Подвиг

Осунулась ненависть и отступила.
В овраге тлеет последний танк.
— Я люблю тебя, милая!
— Я люблю тебя, милый!
Слышишь, Господи?
Да будет так...

Дрогнуло солнце,
Скользя к закату.
Вслед за солнцем
Сгорел закат.
Построили дом —
Просторную хату.
За домом разбили
Тенистый сад.

В праведных трудах
Подрастали дети,
Являли миру
Своих детей...
Человек не хочет
Думать о смерти.
Человечество, в принципе,
Против смертей.
Но...

Смерть

Дыхание — жёстко
И пульс — не внятен.
Мечется взгляд
Из — под тусклых век.
Тише.
Сегодня,
В шестой палате,
Умрёт ещё один
ЧЕЛОВЕК.
Тот, чьи дети —
Вселенной дети.
Тот, в чьём саду
Расцветает снег.
Тот, перед кем
Мы все в ответе.
Тот — самый главный —
ЧЕЛОВЕК!!!
Умер...

Упокой его душу,
Господи!
Упокой его душу...

Эпилог

Может явь, а может сон —
В сотый раз растаял снег.
Вновь ко мне приходит он —
Самый мёртвый ЧЕЛОВЕК.
Взгляд исполнен пустоты,
Веет смертью из-под век.
Не моя ли совесть ты —
Вечный мёртвый ЧЕЛОВЕК.

Юрий БЕРСЕНЕВ

ВETERАНЫ ТРУДА

Живем, как на чужбине,
Одни за все в ответе,
Покорные судьбине,
Наивные, как дети...

Им — прииски и банки,
А нам — «почет» и «слава»
И к празднику — по банке
Просроченного «сплава»...

Бредем по белу свету,
Седое поголовье,
Ни будущего нету,
Ни денег, ни здоровья...

Нам горькое наследство
От Родины досталось:
Расстрелянное детство,
Растоптанная старость...

БОЛЬ

Я по милой Родине тоскую...
По моей единственной, крылатой...
Мне взамен подсунули такую,
где не платят пенсий и зарплату.

Есть и ананасы, и сорбиты,
и колбасы всяческого рода,
дефицитом «маркеты» забиты,
только денег нету у народа...

Где они — обещанные блага?
Тихая летальная истома...
Раньше убивали нас в тулахгах?
А теперь — не выходя из дома...

Всё отрежиссировано «янки»
по известной даллесовской «пьесе».
Нас не четвергуют на Лубянке.
Нынче это делают в себе.

ОДЕССА ВИДЕЛА И НЕ ТАКОЕ!

Какие прибывают лимузины!
Какие гости курят на балконе!
Сегодня Бенья Финкель женит сына.
Сегодня свадьба Дорочки и Мони!

На фрейлехс вышли лучшие танцоры,
И танец закружился легкокрыло,
А грациозность несравненной Доры
Гостей и потрясла и покорила.

Но вдруг на самом переплясном месте
Внезапно очень плохо стало Доре,
И на руках растерянного тестя
Невеста «выкинула» прямо в коридоре...

Да... Ничего себе молодожены...
Мне захотелось тут же попроситься.
А бледный Моня, крайне удивленный,
Стал, распаляясь, сильно возмущаться.

Скандал вошел в трагическую фазу...
Размолвка обострилась до предела:
«Ведь я не прикасался к ней ни разу!
Она, наверно, просто переела!»

Похоже, Моня Финкель подзазнался...
Похоже, забурел в наивной спеси...
Он, видите ли, к ней не прикасался!
Как будто он один живет в Одессе.

Молодые поэты Череповца

Оксана БЕЛОЗЕРОВА

ЗВЕЗДА КАК СЕРДЦЕ

Посмотри на закат, на запад —
Там ещё угасает день
Чистый, свежий, привольный запах
Там, где поля немая тень.

Нежно-алый, багряный, синий...
Так невинно свежи цвета.
Небо ясное, словно иней,
В нём, как сердце, горит звезда.

Не хватает мне слов, их мало,
Чтобы выразить этот миг.
Я молчу Я не всё сказала.
Мне не высказать сердца крик.

Алина ДРАНГА

Может, я подарю тебе счастье
И открою тебе свои грезы.
Стороной пусть пройдут ненастья
А ресниц не коснутся слезы.

Пусть по жизни идти и сложно,
Ты все же иди вперед.
Если шаг твой окажется ложным,
Жизнь тебя все равно поймет.

В этот день я тебе б пожелала,
Чтобы падали звезды ночью,
Чтобы жизнь тебе все прощала
И любила тебя очень-очень!

Наталья ЗАХАРОВА

ОШИБКА... НЕ БЕДА!

Не грусти, если сделал ошибку.
Пусть лицо озаряет улыбка.
Ты споткнулся на верном пути —
Не стой! Продолжай идти!

Гордо смотри только прямо,
Ни вбок, ни назад, а вперед.
Мечтай, воплощай упрямо
То, что желашь. Верь:
счастье придет!!!

Евгения КАПИНОСОВА

* * *

Говорят, глаза — зеркала,
Отражения мира души.
О тебе так сказать нельзя,
Ведь потухли от слез они.

Были ясною синью небес —
Стали мутной водой дождевой.
И когда-то игравший в них бес
Удалился уже на покой.

В них давно поселилась печаль,
С болью вечной и вечной тоской.
Ты сыночка отправила в даль,
Был он там офицер боевой.

Спой мне песню о жизни иной —
В песне — горечь, надежда и страх...
Где он бродит теперь, мой родной?
Или странствует в небесах?..

Виктор КИЧКАРЕВ

У КОШЕК В СЕРДЦАХ ЖИВУТ ЛЮДИ

Милая, искрящаяся, большеглазая,
Посмотри на меня, растопи камень,
У тебя это получится
Вот,

Уже сейчас
плавится и капает
стекая к твоим ногам
Мой пуленепробиваемый панцирь,
А ведь мы только встали рядом.

Я чуть коснусь твоего плеча,
Волос цвета соломы...

Но почему они выются!?

О, как я люблю купаться в твоих волосах,
Истерзанными губами

Пить тебя маленькими глотками;
Сладкая, шипуче-терпкая,
Солоновато-пьянящая

И с каждым новым глотком такая разная,
С каждым новым глотком

Увеличивающая мою жажду.

Я хочу пить тебя с жадностью дикого зверя,
Обливаясь, рыча и кашляя,
Белый, искрящийся цветок

с красным нимбом
и тонкой шейкой
балерины
Или лебедя?
Или ты переодетая кошка?
Дикая, но ласковая...

Анастасия КРЫЛОВА

СЕКРЕТ

Я твой крест,
Я твой рок...
Из стольких мест
И дорог
Тебе выпало — здесь,
Тебе выпало — я.

Это и есть
Секрет бытия.
Сумерки
Рука в руке, сплетая пальцы...
Здесь тихо. Тише тишины
И облака, как мы, скитальцы
В холодных сумерках весны.

Мария КУЛИКОВА

* * *

Тонкою, шелковой ниточкой
Связана наша судьба.
Дернешь не там, где положено,
И разорвется она.

Если же ласково, бережно
Будешь держать ты ее,
Счастье большое, как море прибрежное,
Будет твое и мое.

Вадим ЭЛЕФАНТОВ

ДЕНЬГИ

Страшный вивисектор человеческих душ
Вырезает совесть под гремящий туш!
Крепостные стены штурмом не берёт.
Подлая зараза под землёй пройдёт.

Деньги, деньги — трупы на дороге,
Капища и идолы — преданные боги.
Чумные бациллы, слуги Сатаны —
Злобны и опасны, коварны и вредны!

Поклонился Дьяволу висельник-банкир,
Золотой телец покоряет мир.
Под раскаты грома мчится колесница,
И во мраке ночи спрятаны их лица.

Полубивший деньги — любит Сатану,
Бесы объявляют новую войну:
Ринутся в атаку стаями волков,
Деньги растерзают Дьявола врагов!

Анна МАЙОРОВА

* * *

Почему? Россия! Мудрая страна!..
Не растёт, а гибнет медленно она!!!
Техника, приборы, новые детали...
Но ведь мы от этого лучше — то не стали!

Мир модернизирован, это все прекрасно,
Но, боюсь, что сделано все это напрасно...
Серое бездушие всюду процветает!
Этот вечный холод просто угнетает!!!

Родина! Россия! Покажи красу!
Пусть заметят люди облака, росу!
Пусть утихнет гонка, пусть вернуться вновь
Мир и добродушие, всра и любовь!

Светлана НИКИТИНА

* * *

Сыграй, скрипач, сыграй, хороший мой,
Сыграй, чтоб в сердце струны отражались.
Сыграй такое... о земле родной,
О том, о чем ждала, и что мечталось.

Играй, играй ты, не жалея сил!
Играй! Так... хорошо... А я поплачу...
О, если б знал, как край родной мне мил
И сколько много для меня он значит...

Анна СМЕРНОВА

ОСЕНЬ

Вы мне писали — и не отрицайте,
Я почерк Ваш изящный узнаю
Нет, ничего, прошу, не объясняйте —
Я Вас ни в чем, поверьте, не виню.

Я не смогу вернуть Вам Ваши письма —
Их в ноябре дотла спалил огонь.

Письмо от Вас... Ах, нет, всего лишь листья
Ложились мне в озябшую ладонь...

Улана СОТНИКОВА

НАШ ЛЕС

Зеленый мох на маленькой лужайке
Пронизывают яркие лучи.
Здесь жил когда-то длинноухий заяц —
Теперь здесь строят дачи москвичи.

Здесь было море спелой костяники,
Опята, рыжики, моховички
Варили все варенье из черники —
Теперь здесь строят дачи москвичи.

Прекрасный образ матушки-природы
Под тяжестью домов совсем исчез.
Ну неужели для души народа
Вы не хотите сохранить наш лес?

Денис СТАРОДУБЦЕВ

КНЯЖЕ!

Княже русичей племён,
Брось усобицы времён,
Позабудь вражду былую,
Месть и ненависть слепую,
Перед Русью златоголовой
Встаньте крепкою заставой!

По руинам, пепелищам
Бегит серым волком рыщет,
Плачут матери и жёны,
Избы русские сожжены,
Православных тьму людей
Полонил хан Субедей!

Княже русичей племён,
Брось усобицы времён,
Позабудь вражду былую,
Месть и ненависть слепую,
Перед Русью златоголовой
Встаньте крепкою заставой!

Фатина КРИС

* * *

Девушка с кошкой на грязных ступенях,
За окном полужимная мгла.
В темном подъезде заперты двери,
И улыбка перил холодна.

Кошка пускает когти в колени,
Руки в ознобе дрожат.
Девушка курит, считая ступени,
Один шаг вперед — два назад.

Девушка с кошкой смотрит упрямо
В глаза разрисованных стен.
Стены налево, стены направо.
Прыгает кошка с колен.

Девушка с кошкой на грязных ступенях,
За окном ждет осенняя мгла.
В темном подъезде заперты двери,
И лифт людям лжет в глаза.

Я девушка с кошкой, от первых морозов
Прячусь в подъездную тьму.
И сколько бы ты не дарила мне розы,
Я исчезну всегда поутру.

Кошка мяучет и трется о ноги
И вроде бы жизнь хороша.
Но за окнами осень внушает тревоги,
Я с кошкой в подъезде, сидим не дыша.

Римма ХАЙРУЛЛОВА

ДВИЖЕНИЕ

Свет теплый, мягкий лился в окна
И целовал полы гостиной,
Играл, касаясь листьев мокрых
Букета пышного жасмина

Сползал по стенкам старой вазы,
Вторая мозаичным узором,
Потом терялся где-то сразу
В тени тяжелой, пышной шторы

Наталья УСАНОВА

ПОЛЁТ ЕЛЕНА САБЛИНОЙ

(рецензия на книгу «Птица над городом», Вологда, 2004)

Под обложкой книги Елены Саблиной живут сразу две бесприютные птицы: первая – усталая горемыка-странница, вторая – птица чёрная, отчаявшаяся, а потому и отчаянная. У первой есть любимая «воля», у второй — мучительная отчуждающая «свобода».

Как же птицы уживаются рядом? Просто выше поднимается то одна, то другая. А иногда обе они пропадают из виду, и автор успевает ощутить себя больше человеком, чем поэтом, почувствовать под ногами твёрдую почву. В таких стихах она просто радуется приятным мелочам жизни, может «Ощутить босою пяткой Домотканый половики», «Вдруг комара прихлопнуть метко На чьём-нибудь высоком лбу» или заметить «Боже мой, до чего хорошо Жить на этом проветренном свете!». Но долго стоять на месте нельзя – птицы зовут, каждая в свою сторону.

Чёрная птица дерзкая. Она — скворчиха, любившая не своего «немилого скворца», а недостижимую «заморскую птицу Жар». Скворчиха способна резко сказать в лицо всё, что она думает. Например:

*Я вам, друзья, не доверяю,
И мне не стоит доверять.*

Она смотрит вокруг с уверенностью в том, что везде безнадежный сумрак:

*На вокзале пасмурно и грязно,
Думы мрачны, лица не свежи.
И ругают матом безобразно
Родину российские бомжи.*

*И в какой бы самый дальний город
Ты билет себе ни заказал,
Привезёт тебя твой поезд скорый
На такой же пасмурный вокзал.*

Основная сила этой птицы – в её решимости. Она бросается на стереотипы, и стереотипы рассыпаются. Так, она заступается за Венеру:

*Не торопитесь женщине хулить,
Мужья и целомудренные жёны.
Всё обнажённое должно прекрасным быть,
А всё прекрасное должно быть обнажённым.*

А вот ещё одно искренне отчаянное признание:

*Мне пела старая ворона
Куда нежнее соловья.*

Летит чёрная птица над городом. Она не может найти пристанище из-за своей строптивости. Она парит в небе с «неясною целью в реке отразиться, А, может, перо обронить из крыла». Чем-то её цель напоминает цели человека сегодняшнего. Может, это и стало причиной выбора в название книги образа этой птицы.

А вот другая крылатая странница ищет вечного – она летит над всей Россией сразу. И не остановиться ей потому, что велика эта печальная страна.

Видит птица-горемыка забытое селение. Кажется, всё в нём заброшено: ржавеют часы, зарастают мхом калитки... Но – «кем-то хранимая строго. Дымилась одна лишь изба». Пусть одна, зато она есть и её не бросят, значит, всё не так уж и плохо!

Наблюдает птица за старушкой, олицетворяющей уходящую Русь. Но вера в Русь есть. Ведь старушка ещё жива, она ищет дорогу к своим детям там, где

Такси, огни в вечерней мгле.

Дворцы из камня и металла.

Как знать, может Русь придёт к своей дочери России, и та примет её с распростёртыми объятиями...

Птица – горемыка нежна, склонна к звонкой и хрупкой хрустальной лирике

А если бы звёзды могли говорить,

Они и тогда бы молчали.

Нет дела мудрее, чем просто светить

Ночами, ночами, ночами.

В последних строках рецензии мне пора бы уже обратиться и к технике стихов Елены Саблиной. Но дело в том, что сама структура стиха у неё очень ненавязчива. Стабильных излюбленных средств у этого поэта нет. Попытка разложить стих на метафоры, сравнения и повторы будет выглядеть как вивисекция. Стихи живые, а основу их можно чувствовать разве что интуитивно. Это поэзия женская (не дамская, а именно женская): эмоциональная, нежная, естественная. И, конечно же, загадочная, хоть внешне и неусложнённая.

Нет в женщине таинств великих –

Так птицы живут и цветы.

Вольнолюбивых птиц Елены Саблиной не нужно трогать грубыми руками. Лучше просто видеть их полёт. Вдруг долетит одна из них до своего приюта. А мы увидим, где он находится, и сами не потеряемся.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Татьяна Черыгова. Стихи, Вологда, 2007 (Серия: «Лики лирики»). Составитель В. М. Бакуненко.

Юрий Епифанов. Село Борисово-Судское: взгляд через века, Бабаево, 2006.

Попытка обобщить и систематизировать известные материалы по истории села Борисово-Судское с древнейших времен до наших дней.

Юрий Епифанов. Про красавицу Колпу и богатыря Святогора: Сказ, Бабаево, 2007.

Николай Кузнецов, Алексей Ткачев. С нами всегда: Стихи, посвященные Николаю Рубцову, Череповец, «Окраина», 2006.

«Северная окраина» №25: Журнал череповецкого ЛИТО, 2007.

Поэту посвящается: сборник, Тобольск, 2007.

Сборник стихов, посвященных Николаю Рубцову. Составитель С. А. Лагерева.

Вологодские затеси Виктора Астафьева: материалы к творческой биографии писателя. — Вологда, «Книжное наследие», 2007.

Алексей Кузнецов. Такое не забывается: рассказы. — Вологда, 2007.

Александр Кузнецов. Художник Георгий Попов: Жизнь и творчество. — Вологда, 2007. Монография об известном вологодском художнике.

Э. Н. БАЛЯСОВА

МИНИАТЮРНЫЕ ИЗДАНИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

*«Хочу запеть про тонкую рябину.
Или про чью-то горькую судьбину,
Или о чем-то русском вообще».*

Н. Рубцов

Строки эти перекликаются с творческим предощущением Афанасия Фета: «Не знаю сам, что буду петь, но только песня зреет». Но в них есть и свое, чисто «рубцовское», принадлежащее русской поэзии конца XX века», — это интересное суждение о поэзии Н. Рубцова высказал поэт С. Куняев.

А начиналось все с тонюсенькой книжечки стихов «Лирика», выпущенной в 1965 году в Архангельске. Всего-то в ней 38 страниц. При тираже в три тысячи экземпляров тогда, в годы небывалого интереса к стихам, к поэзии.

О Рубцове сегодня написаны тома, что-то преувеличено, что-то преуменьшено, что-то придумано, что-то утаено.

Тем интереснее привести полностью маленькую биографическую справку, помещенную на обороте титульного листа. Так сказать, натуральную биографию еще неизвестного поэта.

«Николай Рубцов родился в 1936 году в селе Емецке Архангельской области. Детство его прошло в сельском детском доме над рекой Толошмой в Вологодской области. Потом он учился в Тотемском лесотехническом техникуме, работал кочегаром в Архангельском траловом флоте и на нескольких заводах в Ленинграде. В 1955 году был призван в ряды Военно-морского флота и служил на североморском эскадренном миноносце. Ныне Николай Рубцов — студент литературного института им. Горького. Стихи начал писать в детстве. Печатался в журналах «Октябрь», «Молодая гвардия», «Сельская молодежь», «Советский воин» и другие, а также в центральных и областных газетах». Сейчас не проблема купить сборник стихов поэта, но есть очень удивительные издания — это мини.

Давайте совершим маленькое путешествие по ним.

«Вот он и кончился покой!» — этими строками стихотворения «Памяти матери» в мини-сборнике «Стихи о матери» (Пермь, 1972) творчество Рубцова впервые увидело свет в миниатюрных изданиях в нашей стране. Произведения поэта были еще опубликованы в 9 коллективных поэтических мини-книжечках. Среди них такие прекрасные издания, как: «Хлеба России», Пермь, 1979 («Звезда полей»); «Милые красавицы России», Пермь, 1981 (Памяти матери); «Песня о женщине», Минск, 1987 («Аленький цветочек»); «Мы вечно благодарны вам...», Пермь, 1987; «Поэты о Есенине», Москва, 1985; «О русская земля!», Ярославль, 1985 («Видения на холме»).

Первое отдельное мини-издание стихов Рубцова была издано журналом «Полиграфия» (№ 8, 1988 г.) Журнал с 1987 г. печатает в каждом номере вкладные листы с текстами. Извлекая листы и выполнив необходимые операции, можно своими руками изготовить миниатюрную книжечку. В мини-сборнике 44 стихотворения, иллюстрированных пятью гравюрами В. Сергеева и А. Ушина. На крышке переплета портрет поэта. Тираж — 21,7 тысяч.

2001 год. Издательство «Художественная литература» выпускает мини-сборник и «Деревенские рифмы» — стихи русских поэтов о деревне (от Жуковского до Рубцова), оформленные работами-картинами художников В. Бычкова, А. Венецианова, А. Грицаца, А. Дей-

неки, А. Жемчужникова, В. Иванова, Н. Маковского, С. Михайлова, В. Орловского, А. Пластова, Я. Полонского, А. Рябушкина, П. Соколова, А. и С. Ткачевых. В этот оригинальный мини-сборник включено десять стихов Н. М. Рубцова.

2002 г. Выходит новый сборник мини-книги издательства «Художественная литература» Н. Рубцова «Шумят березы», составленный В. Максимовым, оформленный удивительными рисунками художника Юрия Коннова. Каждое стихотворение оформлено миниатюрными рисунками.

2006 г. В серии «Заветная лира» выходит миниатюрное издание стихотворения Н. М. Рубцова (1996–1971), в который вошли избранные произведения из четырех сборников, составленных самим поэтом и опубликованных при его жизни. В книгу вошли также стихи, не включавшиеся в прижизненные сборники Н. Рубцова. На сборнике есть суперобложка.

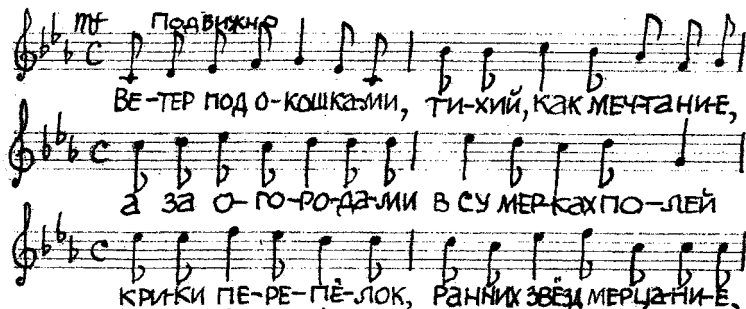
Савелий ЯМЩИКОВ (художник-реставратор)

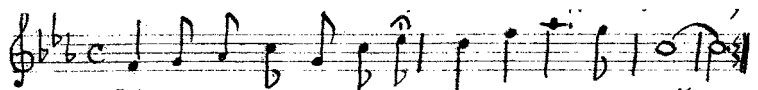
Николай Рубцов — один из тех поэтов, которые очень близки моему сердцу. Считаю его творчество закономерным продолжением великой русской поэзии. Не хочу сравнивать его ни с кем из её столпов. Он похож на всех талантливых стихотворцев своей божественной одарённостью, глубиной мысли, чистотой и душевностью. Не мыслю без его стихов культуру нашего Отечества и саму его историю. Дорогая мне, как художнику-реставратору, Вологодская земля, взрастившая талант Николая Рубцова — оазис красоты и вдохновения. Здесь творил мой любимый Дионисий, здесь работали безымянные, но бесконечно даровитые иконописцы, здесь родина К. Батюшкова, здесь создал свои классические вещи Василий Белов, здесь трудится один из лучших наших реставраторов Николай Федышин. Каждый раз, приезжая в Вологду, Тотьму, Кириллов, Устюжну, Великий Устюг, я ловлю себя на мысли, что каждый уголок Земли Вологодской воспет щедрым и глубоко любящим свою Родину Николаем Рубцовым.

Сейчас сорвавшиеся с цепи лжедемократы суют нам свою недоброкачественную продукцию. Они замалчивают Николая Рубцова, стараются похоронить наследие талантливейшей поэтессы Татьяны Глушковой, забыли сообщить России о смерти певца её Юрия Кузнецова. Но верю, что «иных времён татары и монголы» недолго будут править свой пир во время чумы. Россия забудет о них, а «тихая родина» Николая Рубцова всегда будет источником трудов и вдохновения.

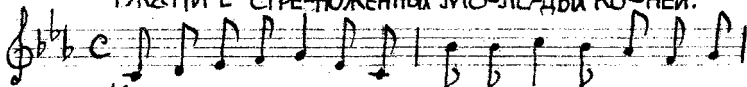
ДЕРЕВЕНСКИЕ НОЧИ

Стихи Н. М. Рубцов
Мелодия В. М. Бакуменко

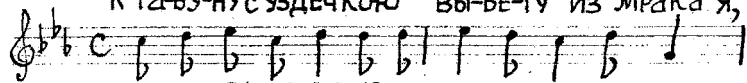

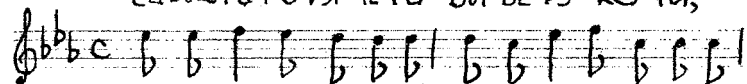
РЖАНИЕ СТРЕ-НУЖЕННЫХ МО-ЛО-ДЫХ КО-НЕЙ.

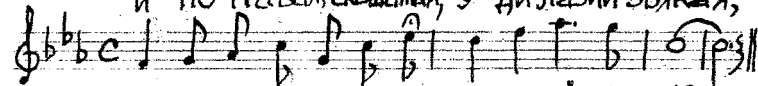
КТА-БУ-НУСУЗДЕЧКОЮ ВЫ-БЕ-ГУ ИЗ МРАКА Я,

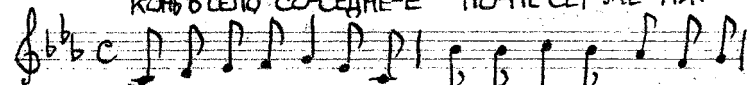
СА-МОГО ПО-РЯ-ЧЕ-ГО ВЫ-БЕ-РУ КО-НЯ,

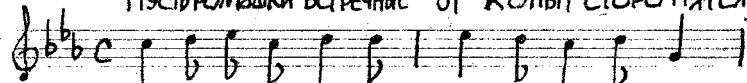
И ПО ТРАВАМ СКОШЕННЫМ, У-ДИ ЛАМИ ЗВЯКАЯ,

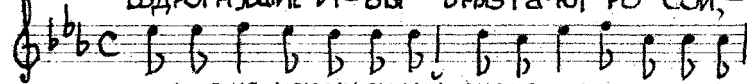
КОНЬ В СЕЛО СО-СЕДНЕ-Е ПО-НЕСЁТ МЕ-НЯ.

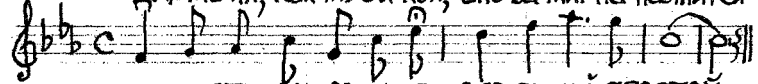
ПУСТЬ РОМАШКИ ВСТРЕЧНЫЕ ОТ КОПЫТ СТОРОНЯТСЯ,

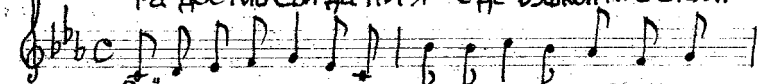
ВЗДРОГНУВШИЕ И-ВЫ БРЫЗ-ГА-ЮТ РО-СОЙ,-

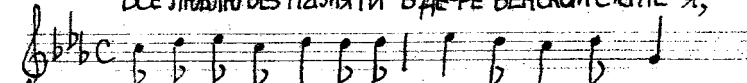
ДЛЯ МЕНЯ, КАК МУЗЫ-КОЙ, СНОВА МИРНА-ПОЛНИТСЯ

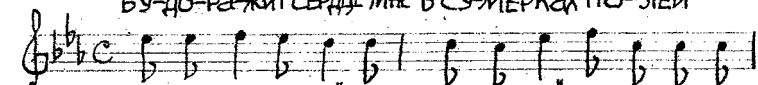
РА-ДОСТЬЮ СВИ-ДА-НИ Я СДЕ-ВУШКОЙ ПРОСТОЙ.

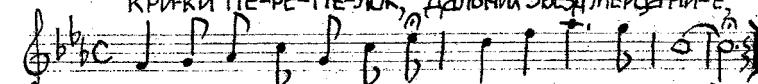
ВСЁ ЛЮБЛЮ БЕЗ ПАМЯТИ В ДЕ-РЕ ВЕНСКОМ СТАНЕ Я,

БУ-ДО-РА-ЖИТ СЕРДЦЕ МНЕ В СУ-МЕРКАХ ПО-ЛЕЙ

КРИКИ ПЕ-РЕ-ПЁ-ЛОК, ДАЛЬНИХ ЗВЕЗД МЕРЦАНИ-Е,

РЖАНИЕ СТРЕ-НУЖЕННЫХ МОЛО-ДЫХ КО-НЕЙ.

Москва
16.04.2006

3. И. ДУБИНИНА

г. Артем, Приморский край

ВЯЧЕСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ БЕЛКОВ

Вячеслав Сергеевич Белков — бессменный руководитель Рубцовского центра г. Вологды. Позднее возникли, благодаря активной опеке Вологодского центра, рубцовские объединения в Москве, С.-Петербурге, Артеме (Приморский край), Дзержинске, Сургуте. Белков В.С. стоял у самых истоков научного осмысления творчества и жизни Н. М. Рубцова. «Не знал, только видел издали, был подростком», — так, сожалея, сказал он о Н. - Рубцове, поэте уже известном в 1960-е годы. И жизненный путь молодого человека предreshён — Николай Михайлович Рубцов. Филологический факультет, освоение журналистики — становление Белкова как писателя-поэта — весь жизненный путь под освещением Рубцовской звезды.

Белков В. С. — один из первых исследователей жизненно-творческого пути русского поэта Н. Рубцова. И ни единого непроверенного факта, даты. Дотошность, доскональность. Многолетняя работа в архивах Вологды, Москвы, Архангельска, С.-Петербурга; поездки по родным местам; встречи с родными, детдомовцами, сокурсниками — всё это дало ему исходный материал для создания биографических книг о Н. Рубцове. Мы здесь, на Дальнем Востоке, обращаясь к творчеству Рубцова, постоянно пользуемся книгами «Жизнь Рубцова», «Рубцов сегодня», «Не одинокая звезда», журналом «Автограф». Да и статьи В. Белкова в литературных энциклопедиях оказывают помощь в изучении творческого-жизненного пути великого русского поэта.

У Рубцовского центра в Приморье, без оглядки можем утверждать, была опека Вячеслава Сергеевича Белкова. Направлял, информировал по рубцовскому движению, слал материалы; почти все книги Белкова есть в библиотеке «Рубцовская горница», газеты «В мире Рубцова», масса его газетных публикаций, все журналы с № 1 по № 45 «Автографа». Нас сдружила в 1995 году энтузиаст рубцововедения Вологды, незабвенная Нина Павловна Зиновенко — истинный патриот России (участница героической Отечественной). Дружба возникла сразу, с первого письма (сначала заочно, а в 2003 году узнали и общались несколько дней лично).

На любой вопрос следовал мгновенный точный ответ. «Кто же сегодня враги?» — спрашиваем. Ответ — этот, этот. Фамилии. Ищем их «труды», нельзя не согласиться с мнением В.Белкова. И так по любому вопросу. Из «Автографа», откуда в последние годы брали сведения из раздела «В мире Рубцова», сведения и о литераторах Вологодчины (настоящей русской современной литературы). Здесь несколько раз печатались и поэты нашего Приморья, помещал В.Белков и наше мнение о кое-каких событиях Рубцововедения. Неужели «Автограф» никто не подхватит? Для нас потеря будет весьма ощутима.

Последняя книга, составитель Белков В.С., дар в библиотеку «Рубцовской горнице» — «Полночное пение», книга, в то же время, первая из задуманной им серии «Лики лирики», где разместил бы самое-самое лучшее из классической поэзии XX века. И трогательное обращение к читателям в «Полночном пении» — «Эти стихи надо бы знать наизусть». Обязательно, дорогой Вячеслав Сергеевич!

Для нас В. С. Белков почти первооткрыватель. Вот газетные заметки с Вологодчины об организации ганинских чтений. 16 раз проходили чтения-праздники в местах, где было родовое гнездо поэта, деревня Коншино, где в храме венчался С. Есенин с З. Райх. Камень памяти с надписью, что в этих местах стояла деревня Коншино. Организатор (совместно, ясно, с другими писателями Вологды; на фото виден Грязев А. А., Швецов А. А.,

Чулков Б. и другие) — В. С. Белков. Нашёл, привез сестру А. Ганина. Сколько сил надо для сведения в единое действо. Теперь — традиция. Конечно, в ряду других, им созданных. Нашёл и сестёр Алексея Ганина, а всё не так просто. Вот на фотографии Вячеслав Сергеевич Белков рядом с младшей сестрой Ганина у памятного камня по Коншино. Нашёл путь-дорожку и к сердцу сестры Николая Рубцова — Галине Михайловне Шведовой, ныне живущей в Череповце. Сколько сил и времени было отдано на поиски старшего брата Рубцова Альберта Михайловича. Для чего ездил в С.-Петербург к его жене Валентине. И даже через нас искал родственников отца, предполагалось — Сибирь, а я в Омском пединституте училась с Валентиной Николаевной Рубцовой (оказались сибирские Рубцовы однофамильцами). Конечно, мы мало чем могли помочь В. Белкову в его поисках, но горды, что смогли добыть журнал «Дальний Восток» и сведения о Н. Н. Сидоренко, в период Отечественной служившем военным корреспондентом на Тихоокеанском флоте (Н. Н. Сидоренко в 60–70-е годы — руководитель поэтического семинара в литературном институте).

В библиотеке «Рубцовой горницы» свято храним книги В. Белкова и с большой осторожностью даём их пользоваться рубцовцам, дорожим. В книгах, в его статьях так ярко выражена глубинная сопричастность великому Николаю Рубцову. Достойно труд исследователя оценён наградой «Звезда полей» Российского значения (2001 г.). 2003 г., август, получили приглашение на рубцовские чтения в Николу Тотьму, где заявлены на выступление по теме «Николай Рубцов на Дальнем Востоке». Во след присланному приглашению получаем письмо от В. Белкова с вопросами: когда? Где? Что? Оказалось, организаторы чтений — Грязев А. А. (руководитель писателей Вологды) и Белков В. С. (руководитель главного рубцовского центра России). Дело, естественно, хлопотное, приглашены на чтения представители Рубцовских центров с разных концов страны (Мурманск, С.-Петербург, Приморский край и другие). А село Никола отдалённое, глубинка, да и до г. Тотьмы путь не близкий — более двухсот километров автобусом. Довезти (в Николу уже другой автобус, паром через р. Сухону), разместить, накормить и прочие неожиданности.

Едем втроём, как бы представляем три возрастные группы артёмовских рубцововедов: Ольга Григорьевна Коротеева, преподаватель средней школы № 17, Зинаида Ивановна Дубинина — бывшая преподаватель и Ольга Дубинина — ученица 10 класса. Путь по железной дороге. Москва. Встреча с М. А. Полётовой (особые воспоминания о М. Полётовой — создателе музея в Москве и главной опекунше нашего рубцовского кружка).

Не успели «распаковаться», телефонный звонок из Вологды — Белков В. С.: «Как добрался, когда в Вологде?» Мы очень рады! Ждал и беспокоился о нас В. С. Белков. На одной из своих книг подарил такой автограф: «Нашим на Дальнем Востоке». В. С. Белков и по переписке, и по своей деятельности, давно «наш», товарищ, друг. По фото, письмам, его публикациям «слепился» облик Белкова: сдержан, серьёзен, немногословен, чуть суров. Вообще, похоже на поэта Рубцова.

Встреча, наконец-то, в Вологде с В. С. Белковым. Приглашены к нему домой, в музей Рубцова, созданный им в «хрущёвке» (думаем, в пик городского управлению, которое «гордится Рубцовым», но вопрос о городском музее всё ещё был «открытым»). Обнимаемся, целуемся, всё как положено русским! Мгновенно, переглянувшись с Ольгой Григорьевной: «Точно, похож на Н. Рубцова!» Ведёт в свой музей, чувство гордости в каждом слове при показе каждого экспоната. Ведь есть подлинные вещи поэта: шахматная фигура — ферзь (играл в редакции «Вологодского комсомольца»), чашка, «из неё пил Николай Михайлович». Прижизненные издания стихов: сборники, альманахи, журналы, газеты. Здесь же собраны материалы Вологодского Рубцовского центра. Несколько портретов Н. Рубцова, даров вологодских художников.

«А сейчас покажу что-то, что нигде не увидите», — говорит Вячеслав Сергеевич Белков и включает видео. На экране кадры (плохо снят, темноват фильм) фильма-поездки писателей России по Волго-Балту. Хорошо видны на палубе, смотрящие вдоль водного пути, А. Яшин, В. Коротаев и другие. И вдруг, из-за спин мощных фигур показался Нико-

лай Михайлович, чуть во хмелю (хорошо видно), с улыбкой. Один миг и всё. «Я никому фильм этот не даю», — сказал Вячеслав Сергеевич. И правильно! Вцепились бы нынешние дербинисты и тиражировали бы, демонстрируя свою ненависть к русскому народу.

Пьём чай. Фото на память (на диване, в центре хозяин, фотографирует Оля). Дарит каждому свою книгу с автографом «Рубцов сегодня». Провожает до автобуса, по пути вводит в курс Никольских чтений. Просим ещё несколько книг для читателей Артёма и поражаемся обязательности автора, мы и сами забыли о не очень тактичной просьбе, завертевшись в потоке впечатлений, сведений, знакомств в рубцовских местах и в той рубцовской атмосфере. А руководитель всего сего — не забыл. И как же удивил Вячеслав Сергеевич, когда в дождливый, холодный и тёмный вечер (мы уже почти в дверях, прощаемся с милой Татьяной Николаевной) входит Белков весь мокрый и... подаёт пакет с десятью экземплярами книги «Рубцов сегодня». Как же были обрадованы десять обладателей ценнейшей книги по Рубцову артёмовские литераторы!

А до этого последнего дня в Вологде были многочасовые общения в автобусах, на пароме и, главное, на чтениях в Николе (есть несколько фото). Успел и нам уделить внимание: то с кем-то познакомит, то спросит что-либо. В общем, постоянно опекал (даже успел на костре рассказать о друге — поэте Александре Швецове, поведал печальную историю добровольного ухода А. Швецова из жизни). Кстати, этот случай сильно его поразил, что даже нам рассказал. Как-то это всё, гибель Рубцова, гибель А. Швецова наводит на тяжёлые мысли. Предчувствие самого его? О себе?

После нашего сообщения «Рубцов на Дальнем Востоке» подошел и одобрил выступление. Вечер у костра с угощением печеной картошкой и ржаным хлебом, вкуснее не пробовали нигде (хлеб выпекают никольчане в пекарне, пристроенной к храму Николая Угодника, согревая своим хлебным теплом остатки деревенского престола). Песни, стихи — всё в память светлую Н.М.Рубцова! Во сто крат впечатляет, трогает душу — родные рубцовские просторы.

Вот фотография участников Никольских чтений у костра на берегу Толшмы. На фоне А. Грязева, также на короточках — В. Белков, ближе к костру — Ю. П. Ерыкалова и Галина Мартюкова («принимаящая» сторона), как раз перед костром я, Ольга Григорьевна и далее В. Соколов опекает Машу Козловскую — среднюю внучку Николая Михайловича Рубцова, потом петербуржанки Люба Федунова, Тамара Данилова, завершает круг Марина Кошелева. На фото известный в писательском мире Вадим Валерьевич Сементьев с Капитолиной Кошелевой (критик в газете «Российский писатель»), Валентина Кузнецова, детдомовки тех лет, когда в детдоме был и Коля Рубцов, Майя Андреевна Полетова с Т. И. Решетовой, старшая внучка поэта Алина Козловская с моей внучкой Олей Дубининой (дружат, переписываются) и много других, с которыми сдружили Никольские чтения.

Общение с В. С. Белковым продолжилось и ночью, в Тотъме, в Спасо-Суморином монастыре, где в кельях когда-то в бытность студенчества жил Коля Рубцов. По ходу устройства, улыбнувшись, подбодрил фразой: «Может быть, в келью Николая Михайловича попадёте».

На 50-летие в газете «Красный Север» есть статья-поздравление В. Баракова, где кратко, четко отмечается деятельность и достижения В. С. Белкова: «В. С. Белков, критик, литературовед, краевед, поэт-издатель, известен прежде всего, как лучший биограф Николая Рубцова». Далее перечисление названий книг В. Белкова. Знакомы и нам эти книги, счастливо стоят и на наших полках. В. Бараков продолжает: «Вячеслав Белков... непревзойденный знаток бесконечных вариантов стихотворений Рубцова и лучше всех ориентируется в сложнейшем лабиринте их датировок. Именно к нему обращаются за консультациями ученые и исследователи из Москвы и провинции...»

Далеко за пределами Вологодчины знают В. Белкова и как организатора первого в стране Рубцовского центра. При его непосредственном участии подобные творческие содружества были созданы в Москве, Питере, Дзержинске и других городах России (в том числе и в Артёме. В. С. Белков нас благословил, мы тесно сотрудничали с центром Вологды).

АЛЕКСАНДР ДУБИНИН

Поэт выживает не один — вместе со своим талантом. Вспомните Евангельскую притчу о закопанном в земле таланте... Вячеслав не закопал свой дар, развивал его, как умел только он один. В современном мире в одиночку такую ношу не снести. Он нес. Не диво, что надорвался в конце-концов. Кого винить? Крайних не сыщешь. Крайний, всегда, сам поэт. Помянут. Напечатают. Занесут в святцы. Так-то оно так. Душа не смиряется. Мертвым его не вижу. Не представляю. Хотя и знал-то его в основном по работе — по стихам. Двадцать с лишним лет и ни слова лишнего между нами. Только по делу. От сего нынче виноватость перед ним смертная. Неискупаемая, как грех... Не подпускал он близко никого. Все разговоры через стихи. Напечатал в своем журнале — значит да, а нет — суда нет. Вот так и общались. Это проклятое советское словечко — самое верное. Стиль — это сам человек. На время не скинешь. Надсадно жили. Советское несправедливое — поровну — затолкали, затерли. Ни воровать, ни из горла драть, жить по-человечески старались. Вот и награды пошли. От одних газет отбоя нет, а при жизни ни одна сволочь не придет. Жил тихо. Умер со скандалом. Маргинальность литературы — очевидна. «Вы у нас не главные». Гламурчик послаще, а где и посолоней это сегодня народу впаривает. Национальный, русский глянец: у нас все хорошо, славно. Делать ничего не надо, даже работать допускается кое-как. Так все дадим! Будьте послушными. Остальное приложится. Многоэтажное вранье. Выборы без выбора. Нефтянка без границ. Вся эта как бы жизнь.

А жить все-таки надо. Мыслящего населения скоро не останется. То-то заживут! Похожие на людей. «Завтра милые могилы мы цветами уберем, А сегодня по могилам с криком радостным пройдем!» Завидую я американцам, они с чистого листа свою жизнь начинали. Спи, Слава, до времени. Умирать нам ну никак нельзя.

СОКРОВЕННОЕ

*Крестное имя — Ксения
Светлой памяти Генриетты Михайловны Шамаховой*

Метёт, метёт метелица. Торопится по-своему навести всюду чистоту белоснежную к особому воскресению — Прощённому.

*Воскресение Прощённое —
День прощения и встреч,
Добрым словом всё решённое —
Стихла ругань, убран меч.*

*Мы, как дети, рады малости,
Что добром дела вершит
И хранит нас от усталости
И забвения души.*

Нынче Прощённое воскресение — раннее — февральское.

Семь лет назад — в 2000 году оно было в марте.

Мне довелось тогда погостить в семье Александра Фёдоровича Козловского и Елены Николаевны Рубцовой.

...После того, как мы с Еленой Николаевной и сыном Николаем Рубцовым побывали в ставропегийском соборе на Карповке у Иоанна Кронштадтского, решили съездить поклониться и ко Ксениюшке Блаженной.

Поехали на Смоленское кладбище вдвоём — Коле было необходимо успеть на занятия в воскресную православную школу.

После молебна у надгробия Святой обошли вокруг часовенку Ксении Петербургской. Мысленно попросились с ней:

*... Под благословение,
Матушка Ксения,
Я к твоей часовне
Снова поспешу...*

Направились мы в сторону Смоленской церкви. Идём не спеша и говорим о наболевшем.

Рассказала я о тётушке Лены — Галине Михайловне Шведовой (в девичестве Рубцовой). Живёт она в Череповце, своих детей не имеет. Галина Михайловна утверждает, что осталась она некрещённой, не смотря на то, что мать её — Александра Михайловна — была верующей и пела на клиросе Вологодского Храма Рождества Богородицы.

Лена грустно откликнулась на услышанную новость и сказала, что её мать ещё не приняла крещения.

С той, Ксениюшкиной тропинки утвердил нас Господь в мысли, что главная наша забота, пока мы живы и живы близкие нам люди, — привести, подготовить их душевно ко принятию святого крещения.

Мы создавали, что одного нашего желания так мало для его исполнения.

И во всём положились на волю Божию.

По прошествии стольких лет смею думать, что и Ксения Петербургская водительствовала своим ходатайством за наших родных, укрепляла нас в наших заботах.

С Генриеттой Михайловной, мамой Елены Николаевны, мы беседовали обе, каждая в своё время по телефону ли, при личной встрече ли, в письме...

Надо сказать, что Галина Михайловна — сестра Рубцова решилась принять крещение весной того же года 2000-го — при одном условии: «Если согласишься быть моей крестной матерью», — заявила она мне.

21 мая 2000 года накануне весенней Николы Галина Михайловна была окрещена в Череповецком Храме Рождества Христова иереем Владимиром Беляевым. В этом храме обратилась я ранее к настоятелю храма протоиерею Георгию Трубицыну за помощью: попросила Отца Георгия походатайствовать перед священниками Тотмы о крещении вдовы Рубцова.

Настоятель Рождественского храма с пониманием отнёсся к проблеме и порекомендовал обратиться от его имени к протоиерею — тоже Георгию — в Тотме.

Адрес и телефон тотемского протоиерея Георгия удалось узнать через Семенихину Екатерину Ивановну, бывшую пионервожатую Николая Рубцова.

На юбилейные, 2001 года, рубцовские чтения, я отправилась с надеждой на личную встречу и беседу с Генриеттой Михайловной в её родной Николке.

Мы познакомились с ней 21 июня 1994 года. Тогда я захватила с собой в Николу двухтомник Виктора Коротаева о Рубцове («Русский огонёк» КИФ «Вестник» 1994 г.). Как он пригодился в подарок Генриетте Михайловне — слышать о нём она слышала, но в глаза не видала.

Запомнился рассказ вдовы поэта о её последней встрече с Рубцовым в Вологде. Генриетта Михайловна говорила об этом, а сама поглядывала на цветущий огромный куст сирени за оградой у её дома, выращенный в память о Рубцове.

В Рубцовском музее показала Генриетта Михайловна фотографии дочери, внуков; неспешно, с достоинством отвечала она на вопросы гостей Николы — Надежды Леонидовны Дерсвагиной, Валентины Ивановны Сумароковой.

«А Коля-то, внучек мой, левой ногой на пятку ступает в точности, как Рубцов», — любясь снова снимками внука, сказала она.

Второй раз мы встретились с Генриеттой Михайловной на открытии Рубцовского музея уже после реставрации его. Тогда я облюбовала для Генриетты Михайловны в дар глиняную кринку известного мастера из нашей Ёрги.

В 2001 году бережно везла я для Генриетты Михайловны в дар — иконы в деревянном окладе под стеклом «Николая Чудотворца» и «Иерусалимскую икону Божией Матери» (в праздник этой иконы 25 октября нового стиля значится в паспорте день рождения Генриетты Михайловны).

Генриетта Михайловна пригласила меня на ночлег. Не забыть её простодушия, приветливости: вечером напекла она вкусных блинов целую горку, уложила на высокую кровать у печки, ... на дорогу дала испечённый ею пшеничный хлеб и масло сливочное — Никольское. Потом в Череповце мы разделили этот хлебушек на всех участников поминальной встречи 19 января 2001 года.

Мы говорили и о крещении, как советовал батюшка, не настойчиво, не навязчиво.

Но Генриетта Михайловна сначала пыталась решить бытовые проблемы, которые так трудно в отдалении от Тотьмы подвигались после нелёгких поездок туда и обратно, порой безрезультатных. Через некоторое время после Рубцовского праздника Генриетта Михайловна тяжело заболела. Не однажды и подолгу лежала она в тотемской больнице. Елена Николаевна часто навещала маму, ухаживала за нею. И всякий раз спрашивала у матери разрешение пригласить к ней в больницу батюшку.

На все доводы она ещё не решалась дать дочери своего согласия.

Последняя беседа Леночки с мамой о крещении состоялась в тотемской больнице. И, видимо, разговор этот запал Генриетте Михайловне в душу. После этого я услышала от неё по телефону: «Приезжайте с батюшкой. Согласна...»

Этот разговор состоялся в январе 2002 года.

Наконец-то мы услышали её долгожданное «Да». Я переспросила всё же для верности. И снова услышала утвердительное «Да». Тут же сообщила радостную весть Леночке.

Елена Николаевна, не медля, выслала мне деньги на дорогу и крещение мамы.

И 4-го февраля 2002 года в день рождения внука Рубцова — по благословению настоятеля храма Богоотцев «Иоакима и Анны» Бородулина Петра Константиновича отправилась я в Тотьму.

Предварительно сообщила о своём приезде и цели его Тотемскому протоиерею Георгию. Приехав, без труда нашла дом батюшки. Он встретил приветливо. Пообещал помочь. Попросил подождать приезда иерея Димитрия.

Ждать долго не пришлось. Отец Димитрий только что получил номера к машине и подъехал, чтобы доложить об этом настоятелю.

Протоиерей Георгий рассказал о сути моего приезда из Череповца и необходимости выехать завтра, 5-го февраля, в село Никольское для крещения болящей.

Ранним утром отец Димитрий должен был засхватить за мной к бывшему Спасо-Суморину монастырю.

Оттуда из монастыря звонила я Генриетте Михайловне домой. Телефон для Генриетты Михайловны был поставлен на столике рядом, вровень с её подушкой. Дочь часто звонила из Санкт-Петербурга. Так легче было общаться больной.

Связь с Николаем оказалась хорошей. Я отчётливо слышала, по голосу Генриетты Михайловны догадалась, как обрадовалась она моему приезду, а более тому, что всё, даст Бог, устроится благополучно.

И стала я рассказывать Генриетте Михайловне о Ксении Блаженной, о часовне, где находятся мощи святой, у которой мы побывали с Леночкой два года назад.

Сказала, что завтра, 5-го февраля, будет предпризводство Ксении Блаженной, и что имя во святом крещении подходит выбрать — Ксения.

Как ни волновалась, набирая до боли памятный номер Шамаховой Г.М. — 61-5-08 — по Божиему произволению речь моя оказалась вразумительной.

К телефону подошла и двоюродная сестра Генриетты Михайловны — тоже Гета. Она приехала с сыном Александром навестить больную и отложила свой отъезд в Чуровское Шекснинского района Вологодской области, узнав о приезде в Николу батюшки. Мать с сыном решили тоже не откладывать более возможность крещения.

Я осторожно объяснила, что имя Генриетты в святцах не существует. И женщины, осознав это, постепенно начали привыкать к своему будущему — христианскому имени.

Как-то всем легко стало на душе, когда обе Геты уже не сомневались и пожелали сами выбрать имя — Ксении.

Слава Богу за всё!

Батюшка Дмитрий Фомин приехал ранее условленного времени, достал карту Вологодской Епархии. Нашли Николу. Но точных координат к ней было немного.

Надо признаться, что никто из нас не знал предстоящей дороги. Особенно сомневались, где свернуть к Николе. Чуть было не уехали в неверном направлении. Мела метель. И вдруг, как спасение, мелькнул указатель с табличкой.

«Черепаниха!» — закричала я.

«Слава Богу», — облегчённо вздохнули все. До этого ехали в полном молчании, так как время поездки было ограничено. Если бы мы проплутали, батюшке пришлось бы вернуться в Тотму, чтобы успеть на всенощную службу.

С нами ехала матушка Ксения. Батюшка взял её в нелёгкий путь для сослужения при крещении.

Только представить: всюду — Ксения — и будущий праздник во имя Ксении Блаженной, и три тотемских Ксении оказались вместе в Никольском доме.

Это ли не чудо самой Ксении Блаженной, слышавшей молитву дочери о матери?

После крещения батюшка исповедовал болящую и причастил рабу Божию Ксению Христовых Тайн.

После продолжительной болезни Генриетта Михайловна казалась былинкой в сравнении с той статной дородной русской женщиной, какой была всего год назад. Но и звука ропота на свои болести и печали никто не услышал за всю жизнь из её уст.

Черты лица её, по-юному утончённые, поражали своей одухотворённостью, благородством. Когда мы прощались, раба Божия Ксения без слов привлекла меня к себе: обвила мою шею лёгкими руками, но с такой страстью поцеловала меня в губы, что до сих пор я помню выразительную силу этого поцелуя.

«Душа её стала совершенно умиротворённой», — отзывалась в тот день Елена Николаевна о состоянии дорогой мамочки.

Светлый покой душе твоей, приснопамятная раба Божия Ксения.

17 февраля 2007 года — в день пятой годовщины со дня кончины рабы Божией Ксении.

*Описала события — Вера Попова.
Череповец.*

МНЕНИЯ:

«С Ростроповичем история общественной деятельности обогатилась красивой трепетностью. А история музыки, в свою очередь, стала историей жестов в защиту и в поддержку. Такова общая культурная ситуация. Ростропович её только немного усугубил».

ж-л «Итоги»

«...Как в горле кость застрял
российским демократам
Гарант народный, белорусский агаман».

А. Куликовский (об А. Лукашенко)

Как это, в сущности, печально,
Что все мы суки изначально.

Е. Саблина

Короткая проза

Юрий МАЛОЗЕМОВ

ЗУБ

Санёк и Серый — не разлей вода. Их в заводской общежитии в одну комнату поселили, там и скорешились. А потом Санек Серого в свой цех перетянул. В цеху их так и зовут за глаза: два друга — Хрен и Уксус.

У Серого горе. Зуб болит — мочи нет. Всей бригадой уговаривали идти к врачу, боится. Так и махнули рукой: «Делай, что хочешь!» А он и просидел до обеда в курилке, а потом к Сане начал приставать: «Выври мне зуб!»

— У тебя что, уже на мозги перекинулось? Как я тебе его вырву?

— Ну... Пассатижами.

— Серый, хороши дурить. Иди к зубному.

— Знаешь, мне в том году зуб тащили — думал сдохну. Чтоб я еще туда!..

— А я, по твоему лучше сделаю, да? Пассатижами?

— Их — лучше.

— Кого их-то?

— Да, врачей этих, долбанных.

— Все, отстань. Иди, вон, займись чем-нибудь. Бригадир и так косится.

Через несколько минут разговор возобновился. Серый, кажется, внушил себе, что его спасение зависит только от Сани. Ходил за ним, как Горе-Злосчастье.

— Ты понимаешь, что тебе не вытерпеть?

— Вытерплю. Я обезболивающего приму. И ты примешь. Для храбрости.

У Сани второй день чесался нос, и он наострил уши.

— Где ты денег-то возьмешь?

— Найду где-нибудь. Пузыря на три. Два до операции, один после — на замочку.

— Ты сначала найди, а потом говори.

— А найду — согласен?

— Ну, ищи... Найдешь — тебе же хуже...

Занять деньги можно было только у одного во всем цеху непьющего мужика, пожилого сварщика Геннадия Петровича, дяди Гены, как его обычно называли. Свое редкое достоинство — отказ от алкоголя, дядя Гена объяснял тем, что у него пошаливает сердце. Однако старые работники, знавшие дядю Гену в его молодые годы, говорили другое: «Голова у него пошаливает, вот и не пьет».

Серый дождался, когда дядя Гена закончит шов, присел рядом на корточки и со страдальческим видом спросил:

— Дядь Ген, парой червонцев до аванса не выручишь?

— Проси больше, все равно на ... посылать.

— Дядь Ген, зуб болит, хоть на стенку лезь.

Дядя Гена снял голицу, достал вставную верхнюю челюсть.

— А у меня не болит. Хотя, нет, вру. Вот этот (постучал ногтем по протезу) второй слева иногда побаливает.

Дядя Гена водрузил челюсть на место, довольный собственной шуткой. Потом все же расстегнул робу, полез во внутренний карман, достал кошелек, отвернулся, отсчитывая деньги.

Отлегло у Серого. Даже зубная боль, казалось, поутихла....

— На.

Дядя Гена протянул четыре пятерки.

— На день просрочишь — больше не подходи.

-- Дядь Ген, в аванс — как штык!

— Ладно, давай. Иди — лечись.

— Ну, чё, Санёк, нашел я денег.

Впервые за день Серый улыбался.

— Ну, ну... (И чему радуется, дурак?..)

Саня соображал: чем бы помыть пассатижи...

После работы зашли в магазин, затарились, накрыли стол.

— Ну, за успех операции!

Парни хлопнули по стакану. Саня с аппетитом жевал хлеб с килькой. Серый есть не мог, запивал водку томатным соком. После двух выпитых бутылок зуб у Серого почти прошел, оставалось легонькое нытьё, и оно было вполне терпимо.

— Сань, зуб-то почти не болит. Может, после третьей и вообще болеть больше не будет?

Подзахмелевший Саня схибно улыбался.

— Что? Попристал?

— Я, что ли?

— Ну, не я же.

— Давай, тащи!

— Ты садись куда-нибудь. Вон хоть туда — к окну. Или, может, лежа, на кровати.

— Не-е... Давай сидя.

Серый обреченно сел на стул у окна.

— Ты не смотри. Открой рот и не смотри. Который зуб-то?

— погоди, сейчас пальцем покажу. А-о...

— Этот?

— Э-э... Рядом.

— Этот?

— А-а.

Саня поднес ко рту Серого раскрытые пассатижи. В нос шибануло бензином. «Нашел чем помыть», — мелькнуло в мозгу у Серого. «А, хотя, да. Не водкой же».

Саня прихватил зуб, потянул. Раздался дикий вопль, и одновременно с воплем Саня получил сразу два удара: кулаком в плечо и ногой в колено. Отлетел к стене. Вспышка злости и желание ответного удара угасли при виде друга, скорчившегося и скулящего. Серый, держась за щеку, мотал головой, как паралитик.

— Ну, идиот... Привязать тебя надо было. А я еще согласился, дурак... Ну, уж нет...

Саня кинул пассатижи на кровать, открыл третью последнюю бутылку.

— Иди, бухни. А завтра к врачу, как миленький.

Серый затих. Минуту сидел молча.

— погоди. Давай еще раз. только ты не тяни. Резко дергай.

— Ага, щас. Разморило. Пей вон, лучше.

— Санёк!..

Через полчаса уговоров, вдоволь выругавшись, Саня сдался.

Серый сидел, отведя руки за спину, смертельной хваткой вцепившись в спинку стула. Веки стиснуты, рот широко раскрыт. Саня закрепил инструмент, дернул...

— Кто это тебя?

Бригадир внимательно разглядывал здоровенный фингал у Сани под глазом.

— Да, Серый... Вчера.

— Чего не поделили-то? Кореша...

— Зуб ему ташил.

— Сам, что ли?

— Сам.

— А он-то где?

-
- К зубному с утра пошел.
 - Набил тебе рожу и пошел?
 - Так ведь и я в долгу не остался. Башку ему проломил пассатижами.

Юрий МАКСИМОВ

БРАЖКА

Дедка этого, нового поселенца в их кооперативе, Денис заметил сразу. Да и как его можно было не заметить, если он каждое утро, с раннего часа, спускался вниз и, стоя возле подъезда, степенно здоровался с выходящими из дома жильцами, не забывая сказать при этом каждому доброе словцо. Ростом не велик, не грузен, сухошав скорее, что старый меринок, не заезженный прошлой житухой и потому вполне ещё способный впрягаться в тягло. На смышлёном, морщинистом лице усы моржовые и усмешечка, то ласковая, а то с лукавинкой. Кепчонка на голове с козырьком, всепогодная, придавала его облику вполне добродушное выражение.

Такой вот дедок поселился над ним, аккурат выше этажом. И дела бы до него Денису нет, да заливать его начал этот старикан. Сначала протечку обнаружил в туалете, потом в ванной. Пятно уродливое растеклось прямо над зеркалом, испортив только что приведённый в порядок потолок. Два дня краду корячился он, сдирая старую краску, потом шпаклевал, красил, и на те... Ленка, жена Дениса, хай подняла сразу.

— Ступай-ка к старперу, — распорядилась она, — поговори с ним, когда оба вернулись вечером с работы.

Поднялся Денис наверх, чтоб отругать виновника основательно, да тот будто ожидал его. Дверь открыл приветливо и с видом, самым смиренным, каяться начал.

— Подтекает, заметил, под горшком, но дочка, ему бобылю деревенскому, эту квартиру купившая, поторопила с переездом. Мастера вызвал назавтра, так что извини, сосед. Огляделся Денис: квартирка однокомнатная, как у него, обставлена скромно, но прибрана чистенько. Прошла у него досада на дедка, тем паче тот к столу приглашать стал, предлагая по «соточке» за знакомство... В другое время непременно бы согласился, но сейчас, зная что Ленка чехвостить начнёт, если задержится, поспешил ретироваться.

Впрочем, через день, дедок сам к нему пожаловал, с бутылкой и букстиком простеньким, предназначенным явно для жсны.

Только они с Ленкой ужинать сели, как звоночек неожиданный...

— Вот, решил вину свою загладить, — стеснительно глядел на них старикан, не решаясь переступить через порог. На нём была «зенитовская» футболка, заправленная в старомодные, диагонального сукна галифе, лимонного цвета и новенькие кроссовки на босу ногу. Степан Лукич, — церемонно представился он, протягивая букетик хозяйке, благоухая «тройным» одеколоном.

— Ну, проходите, — приснула в кулак от его вида Ленка, когда он повернулся к ней спиной, протискиваясь в их тесноватую кухню. Галантность-то какая, — добавила она, всё ещё продолжая улыбаться, покосившись в то же время на Дениса, словно укоряя его за невниманье к гостю. А у нас, кстати, рыбка нажарена. Рыбку, небось, любите? — захлопотала Елена, пододвигая Лукичу тарелку с аппетитным кусочком трески.

— Не беспокойтесь, сыт я, — начал было он отказываться и тоже заулыбался, поняв, что прежний недогляд с его стороны позабыт, отчего морщины на старческом лбу слегка разгладились, а сам он почувствовал себя куда более уверенно.

Денис между тем деловито наполнил рюмки принесённой соседом водкой, не обойдя и Ленку, подняв тост за знакомство. Выпив неспешно, Степан Лукич запохал водку хлебной корочкой, удовлетворённо заметив — хорошо прошла...

— «Боржомчик» пожалте, — предложила ему Ленка

— Ни в коем разе. — отстранился Лукич. — Зачем понижать градус?

— Сантехник-то приходил? — любопытствовала Ленка, скорее для того, чтобы завязать разговор, чем уложить гостя недавней промашкой.

— Был. был. — заторопился с ответом сосед, отставляя свой прибор и прищуриваясь, отчего его взгляд сделался насмешливо-плутоватым. Счас всё расскажу, по порядку. Не перебивайте только. Не люблю. кадры вопросы по ходу сыплются.

Именно теперь стала особенно заметной его простая, деревенская речь и говорок, при-
сущие жителям сельской глубинки. не нахватавших ещё, в силу своей отдалённой обособ-
ленности цивилизных выражений, в отличие от горожан, привыкших общаться меж собой
совсем на другом языке. Хотя у них он несравненно более грамотный, однако порою без-
вкусно-пресный. как дистиллированная вода, в отличие от крестьянской природно-род-
никовой, питающей собою всё живое.

— Так вот значит, что получилось, — начал он с некоторым ехидством в интонации.
Пришёл водопроводчик этот, Ефимкой назвался, и давай мне своё гнуть, как все евреи.
Вы, случаем не из евреев будете? — потянул носом воздух Лукич, — а то я рассказ свой
подкорочу.

— Давай, давай в красках, — поощрил Денис.

— Странно мне маленько стало, что еврей, а в работах топчется. Хотя они в любом
деле русака облапошут, правда и мы сами допустимся. Обидно, однако, в дурнях оставать-
ся. Я ему на шланг подводной, что внизу подтекает тычу, он же вперебивку другое талды-
чит. Слив мол не держит, грушу надо менять, резьба ещё проржавела на стержне, короче
гниль одна. Залив скоро получится капитальный. На испуг, думаю, берёт, но с другой сто-
роны спец всё-таки. Как не послушаешь? Делай, говорю, чёрт с тобой. В деревне у нас «до
ветру» ходят, а тут за горшком присмотр надобен, — покосился он на Ленку, не покороби-
ло ли её такое откровение, но она спокойно чаёк свой поливала, и потому продолжил свой
рассказ. Покопался Фимка минуток пятнадцать в раскоряку и счёт мне предъявляет, паль-
цы волосатые загиба. Триста рублёв насчитал. Ты в своём уме? — спрашиваю. Да мне на
участок за такие деньжищи машину коровьего навозу Мишка-тракторист с фермы упрёт и
самогонкой ещё угостит, что халтуру дал.

— Здесь не село, папаня. — поучать меня сопливец начал. Теперича везде рынок, так
что плати, а то сыму всё немедля, и «шведки» свои хватанул, чтоб добить меня аргумен-
том. Мда... С одной стороны может он и прав, но с другой, рассуждаю, триста рублёв у
меня не валяются, жаль их халуте дарить.

— Ладно, — хитрю, — согласившись вроде, — как дочка с магазину возвратится, так
отдам, а пока за работу бражкой тебя угощу.

Я такой ещё не пивал. На изюме она. Ох и сладка! А забориста! Сам же козла этого
огородного проучить задумал.

— Какая бражка? — рассердился Фимка. У меня три заявки ещё, и как назло, слив в
сортирах не работает. Куды им, в штаны что ли валишь...?

— Остынь! — я ему, ты ж умелец. Управишься до смены. Потерпят твои страдалыцы.
А у меня грибки мировые, рыжики. Сам солил. Их в ресторанах нынче не сыщешь... Коро-
че уговорил его посидеть застольно. Покуда он руки умывал, бражки ему налил, забро-
дивший правда шибко. От неё, не к месту будет сказано, слабит так, что от горшка далеко
не отходи, иначе добежать обратно не успеешь, а закусив грибком, вообще — сквозная...
«Шведки» евоные от греха подальше себе под стол положил.

Отведал стаканчик Фима, похвалил. Ещё принял, захорошело! Глазки заблестели. браж-
ка моя ему по вкусу пришлась. На грибки навалился. О заявках позабыл вовсе. В рассу-
ждения пустился. судьбу свою срамит. Мол ни скрипач, ни банкир с него не вышел, хотя
понять дал, что «своё» и здесь имеет. Ну как не «прищемить» такого, кумекаю. Он меж
тем литруху бражки «приговорил». Сидит осоловевший, ремень расстегнул, знай пощё-
рывает. Про себя сообщаю — скоро, голубок, иначе запоёшь. И точно...

— Ой, — зарыгал. — крутит у меня внутри. Погадить надо. Слив заодно проверю.

— Стоп! — отвечаю, и наперёд у него встал. Сортир у меня нонче платный.
— Не смеши! — плечом давит Фимка. Ему уже неважно. Счас галифе твоё обделаю.
А галифе, которое на мне, я с войны берегу, — пояснил Лукич. Памятная мне вещь, к тому же износу им нет. Оскорбил меня этим, считай. Посуровел я лицом. Придётся тебя, говорю, вот этими «шведками» успокоить. Сам говорил, что сейчас везде рынок, потому раскошеливайся и пользуй!

— И сколь платить? — чуть не плачет Фимка
— Пятьдесят рублёв, за один заход
— Чего так дорого? Везде по десятке
— Так у меня ж одноочковый и не загаженный
— Ха, ха, ха, — не выдержали разом Денис и Ленка. Ай да Лукич, дедок-молоток!
Уморил. И смеются, заливаются...

— Погодите, это ещё не всё, — на полном серьёзе прервал их Степан Лукич. Вышел с сортира Фима, полтинник мне отдал. Куртку свою только натягивать стал, как его снова «повело». Вновь на горшок засел. А я ему из-за двери: ещё полтинничек приготовь. Не поверите, так он ещё четыре «захода» сделал, на триста рублёв нагадил. Теперича мы в расчёте, говорю, и деньги эти засранцу воротил. Уйти он хочет, а шаг за порог сделает, опять за живот хватается. Мне его даже жалко стало. Ладно, говорю, давай в кредит. Так он мне с того дня двести пятьдесят целковых должен. Ничего, решил, отработает вдругорядь. Крепко моя бражка подмогла. Засмеялся уже и сам Лукич и прощаться начал с молодыми.

Курьёзный этот случай сдружил Степана Лукича с Денисом и Ленкой, и он частенько захаживал к ним по-соседски на чайк и разговор, а порассказать ему было что, потому как хитрован он знатный...

СПб. Апрель 2006 г.

Петр КУЗЬМИН

ТАЙНА СВЯТОЙ СОФИИ

I
В Московии свирепствовал
и властвовал террор.
С мятежными боярами
царь на расправу скор.

Огнем, мечом и хитростью
престол и Русь крепил.
Невинных, правых,
праведных
нисколько не щадил.

На милость не надеялся
никто: ни млад, ни стар.
Лишились жизни многие
из доблестных бояр.

Мятежник главный
Старицкий
услужливо испил
с отравой кубок поданный
и в бозе вмиг почил

Для блага самовластия
хорош любой резон —
Великий древний
Новгород
разграблен и сожжён.

От крови опьянённые
опричники толпой
мужей и жён
с детишками
под их рыданья, вой

четвертовали, вешали,
топили в прорубях,
а на живых, что
спрятались,
нагнали жуткий страх.

Над непокорным
Пименом,
Софиею Святой
жестоко надругались,

устроили разбой,
бесчинство. Храм
разграбили
безбожно дочиста —
иконы, утварь ценную,
Корсунские врата...

Царю все недостаточно,
мнит заговор другой
и во главе-то оно
царевич дорогой.

2
Лишь только в тихой
Вологде
отрада, благодать,
чинить измены некому.
Отсюда б управлять
страною непокорною
и усмирять бояр.

Для мнительного
Грозного
сей град как божий дар.

Вот только что-то
медленно
здесь строится собор,
а также крепость каменна.
Конца нет до сих пор.

И, осмотрев строительство
неспешно, всякий раз
зело властитель
гневался.

и повышал свой глас

на горожан,
строителей.
Такая шла хула!

Мол, баяли, что
сделали
великие дела.

Не сделаны и малые.
Гулять так будь здоров.
Чтоб все любого
возраста
носили сваи в ров.

Не раз царя пытались
заверить кое-кто,
что отдых был лишь
в праздники.
Они ж и есть на то.

Тот даже их не выслушал,
и так как Грозным был,
расправу над
«виновными»
немедля учинил.

Вблизи собора нового
прилюдно казнены
чинов различных
десять душ
без видимой вины.

Из оных трое плотников
искусных — Михаил,
Неупокой, Данилушка.
Их век коротким был.

И место казни — «виселки»
на берегу реки
и скорбный день
запомнили
надолго земляки.

3

Прошло два года.
реками
в стране лилася кровь.
в спокойную град-Вологду
Монарх приехал вновь.

Над жителями
смирными
во весь смеётся рот:
телка с подковой
съели. мол,
и не болит живот.

Все бойкие да ушлые.
по стеряди спесы.
Кто более всех слопает,
знать те и молодцы.

И все ж Иван Васильевич
так полон был забот!
Он осмотреть намерился
здесь строившийся флот
и возведенный только что
собор Святой в кремле.
Ни предвещало бед
ничто
на благодостной земле.

По образу Успенского,
в Москве что. возведён
сей храм,
и этим именем
он будет освящён.

Вот Государь и свита
с ним
спешат в его предел.
Вошли. Вдруг плинфа
красная
со свода... — Кто посмел...!?

...в главу Монарха
Грозного
и сильно повреди.
Какое потрясение!
И некого судить.

Решил Иван Васильевич:
— То свыше гнев видать.
И очень опечалился,
велел храм разобрать.

О том, что это месть
за смерть
невинных россиян

не допускал и в мыслях.
нет,
столь набожный тиран.

Спустя столетья можно
лишь
с трудом предположить,
как удалось монарший
гнев
на милость заменить.

А вот на освящение
царь наложил запрет.
Сей акт святой
исполнен был
через семнадцать лет.

И в память убиенных
всех,
и Грозному в укор
был освящён Софиею
прекраснейший собор.

Пускай не стал столицей
наш славный мирный град,
но с Новгородом, Киевом
он встал в единый ряд.

Ведь постоять за Русь
в беде,
хоть не велик, а смог,
Ивану Грозному задав
неслыханный урок...

Не зря же по особому,
как все здесь говорят,
над нашим тихим городом
колокола звонят.

Их звоном очарованы
земля и небеса.
Им слышатся истории
российской голоса.

2000 г.

ПРИВЕТСТВИЕ

ВТОРОМУ ВСЕРОССИЙСКОМУ КОНГРЕССУ ЭКСЛИБРИСА В ВОЛОГДЕ

Вот и пролетели, как одно мгновение, три года после исключительно успешного Первого Всероссийского конгресса экслибриса в Вологде. Тот Конгресс в сентябре 2004 года мощно стимулировал возрождение активного экслибрисного движения в нашей стране. Самое главное, что после вологодского форума многие художники снова начали активно работать над созданием новых экслибрисов. Они почувствовали востребованность и в XXI веке этого жанра искусства графики.

Слава Богу, что группе энтузиастов во главе с В. В. Воропановым удалось отстоять намерение проводить Конгрессы экслибриса именно в Вологде - крупнейшем культурном центре России. Более полувека в Вологодской областной картинной галерее ведется постоянная целенаправленная работа по собиранию и изучению произведений прикладной графики, да и для устройства грандиозных выставок в Вологда есть все условия и возможности. Международная практика показывает, что только проводимые в одном месте фестивали, конгрессы, конкурсы с течением времени завоевывают всеобщее признание и получают огромный резонанс во всем мире.

Литературно-художественный журнал «Автограф» давно завоевал репутацию активного пропагандиста искусства книжного знака. Вполне логичным было посвящение специального номера журнала Первому Все-российскому конгрессу экслибриса. Подобные отклики на столь важное событие в культурной жизни Вологды и России «Автограф» планирует сделать традиционными.

Но, пожалуй, самое интересное заключается в том, что вологодский конгресс экслибриса явился первой ласточкой в возрождении былой славы России как самой читающей страны в мире. И это так естественно, поскольку экслибрисисты - особая каста в библиофильском мире и кому же ещё, как не им, быть во главе такого важнейшего дела в культурной жизни страны.

Символично, что Второй Всероссийский конгресс экслибриса произойдет в Год русского языка, который ретивые чиновники пытаются называть и годом книги и годом чтения и т.д. Их понять можно. Действительно, стыдно объявлять в России Год Русского Языка. Это ведь говорит о том, что дела с русским языком в России обстоят очень и очень плохо... И мы постоянно сталкиваемся с тем, что против русского языка ведется настоящая война, как и против всего русского и всей русской культуры. Чего стоит один только вопиющий факт: в наших школах предпочтение в изучении отдаётся иностранным языкам... Дальше ехать некуда, дорогие товарищи. Вот еще почему так важны подобные конгрессы. Ведь на них собираются люди, всем сердцем преданные Книге и без книг не представляющие своей жизни.

*Виталий Бакуменко
Москва*

Виталий БАКУМЕНКО

ОН РИСОВАЛ БУКВЫ, КАК ЛЮДЕЙ

Памяти Г. А. Кравцова

Выдающийся художник Гершон Абрамович Кравцов (1906–1981) был среди тех мастеров изобразительного искусства XX века, в творческой судьбе которых очень большую роль сыграла Вологодская областная картинная галерея. Персональная выставка произведений Г. А. Кравцова в Вологде получила большой резонанс и открыла для многих ранее не известное творчество самобытнейшего графика, виртуоза искусства ксилографии. Не случайно, в персональной статье в «Энциклопедии «Книга», посвященной Г. А. Кравцову, упоминается прекрасный Каталог, выпущенный в Вологде к той выставке в ВОКГ. Попутно отметим, что в Вологде была выпущена также подборка-альбом «Гершон Абрамович Кравцов. 25 ксилографий». Это издание вышло со вступительной статьей С. И. Ивенского. Поэтому будет правильно и эту статью, посвященную 100-летию со дня рождения Г. А. Кравцова, тоже опубликовать в Вологде.

Незаурядная творческая судьба Гершона Кравцова состоялась благодаря советской власти. Именно после революции одаренный юноша из украинского города Черкассы получил возможность приехать в Москву и получить высшее образование в мастерской великого художника и педагога Владимира Андреевича Фаворского.

В годы учебы в Московском институте изобразительных искусств Гершон Кравцов четко определился профессионально как художник книги. Вся его творческая жизнь была связана с Главлитиздатом, хотя одновременно он активно сотрудничал и в других московских книжных издательствах. Более чем за сорок лет творческой деятельности Г. А. Кравцов оформил и проиллюстрировал около 500 изданий, многие из которых стали классикой книжного искусства XX века.

Книжная графика Г. А. Кравцова восхищает не только самобытностью и ювелирным мастерством, но и исключительным тематическим разнообразием проиллюстрированных большим мастером книг. Художник был новатором во всех компонентах создания зримого образа книги, включая ее шрифтовую часть. Художник был выдающимся мастером шрифта, создав уникальные шрифтовые гарнитуры. Это так здорово проявилось и в работе Кравцова над экслибрисами.

Большой художник книги Г. А. Кравцов просто не мог обойти своим вниманием искусство книжного знака. Он создал более 300 замечательных книжных миниатюр, исключительно обогативших сокровищницу искусства экслибриса XX века.

Первое, что сразу же привлекает внимание в экслибрисах работы Кравцова, это высокая культура ксилографии и поразительная изобретательность в сочинении самых неожиданных, порой причудливых и фантастических композиций знаков. Все они бесподобны по графической логике и классической завершенности каждого сюжета. Немало среди экслибрисов Кравцова таких сложных работ, что без серьезного профессионального изучения всех деталей и символов бывает трудно, а порой и невозможно понять их содержание. Такие композиции вполне оправданы и имеют право на существование, поскольку они стимулируют научный подход к искусству книжного знака.

Кроме книжной графики и экслибрисов, Гершон Абрамович Кравцов оставил также богатое творческое наследие как незаурядный станковист и оригинальный живописец, в том числе и в жанре монументальной живописи. Здесь он выступал как сотрудник и соратник В. А. Фаворского. Кравцов был одним из немногих учеников профессора, кого тот привлекал к совместной работе, когда решались глобальные художественные задачи. Это

о многом говорит. Какие теплые и дружеские отношения были у них, красноречиво говорит книга Г. А. Кравцова «Владимир Андреевич Фаворский и его экслибрисы». Известны публичные высказывания и Фаворского о творчестве своего талантливой ученика. Кстати, заголовок нашей статьи дали слова Фаворского о Кравцове, сказанные на обсуждении его персональной выставки: «Он не рисует только людей, не рисует только пейзажи, а рисует и буквы, и буквы рисует так же, как людей...» Дорогого стоит такая характеристика профессора творчества своего ученика.

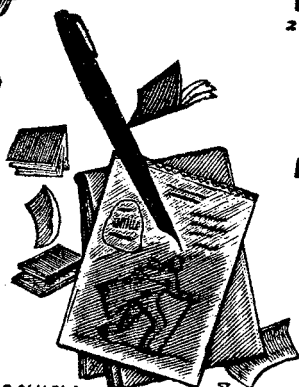
Выдающийся художник XX столетия Гершон Абрамович Кравцов за многие десятилетия творческой деятельности вошел в историю отечественного изобразительного искусства как большой мастер книги, книжной иллюстрации. Он оформил и проиллюстрировал целую библиотеку самых разных по темам и жанрам изданий, многие из которых вошли в сокровищницу искусства книги. Но все же прославили имя замечательного мастера искусства графики его уникальные экслибрисы. Они прекрасно отразили всю новаторскую сущность творческого поиска одного из лучших учеников Фаворского. Г. А. Кравцов творчески усвоил уроки своего великого учителя и сумел выработать свой индивидуальный и неповторимый стиль во всем, что он делал в искусстве. Книжные знаки Кравцова великолепно вписались в книжную графику мастера и составляют неразрывное целое в творческом наследии замечательного художника.

А.М. ГОРЬКОГО

А.И. ШЛЯГИНА

Гершана Дробина

Р. 272
ВНИИ КОНЕВОДСТВА
РЯЗАНЬ

ИЗ КНИГ
БОРИСА
СЛУЦКОГО

EX LIBRIS
МУЗЕЙ

300

Н. ОСТРОВСКОГО

МОСКВА

ИЗ КНИГ
С. Б.
ТЕЛИНГАТЕРА

Виталий БАКУМЕНКО

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА ЕДЕМСКОГО

*Счастлив тот, кто счастлив дома,
на своей родной земле.*

Ольга Фокина

Четыре года назад Вологодская земля потеряла еще одного крупного художника — в расцвете самобытного таланта ушел из жизни Валентин Ульянович Едемский (1939–2003). Художник родился в один день с великим русским поэтом Николаем Рубцовым — 3 января, и ему тоже выпала счастливая судьба воспеть и прославить родную Вологодскую землю в своих выдающихся произведениях.

После окончания знаменитого Ярославского Художественного училища Валентин Едемский вернулся в родные края и все свое многогранное творчество связал с Вологдой. Малая родина художника — Тарногская земля до конца жизни стала его источником любви и вдохновения. Замечательный художник и умер в родных местах, там же похоронен на деревенском погосте рядом с отцом.

Последний год жизни Валентина Едемского был отмечен исключительной творческой активностью. На посмертной выставке в Музее традиционной народной культуры в городе Тарнога, среди других работ мастера, было представлено 23 живописных холста Валентина Едемского, созданных в 2003 году, который художник дожил только до 25 августа. Эти работы такого высокого художественного уровня и эмоционального накала, что дают все основания для вывода: у Валентина Едемского — живописца все только начиналось... Как же несправедлива жизнь и судьба к особо отмеченным высоким даром приумножать в мире красоту. Как только они завоевывают желанную высоту в своем деле, так у них тут же злой рок и вырывает кисть из рук. Слава Богу, что к этому моменту Валентин Едемский успел сказать свое неповторимое слово в изобразительном искусстве.

Творческая жизнь Валентина Едемского делится на два периода. Начинал художник как незаурядный мастер искусства графики. Он работал в разных техниках, но в самом начале доминантой творческого поиска художника была ксилография. Гравюра на дереве и сделала имя художника широко известным. Ведущую роль в этом сыграли оригинальные экслибрисы Валентина Едемского. Художник выгравировал около 60 экслибрисов. Все его книжные знаки отличаются оригинальными сюжетами, нестандартными композициями, самобытностью пластического воплощения каждой миниатюры. К сожалению, в самом расцвете своего экслибрисного творчества Валентин Едемский прекратил создавать книжные знаки. Все свои творческие силы художник сосредоточил на станковой графике. Как показало время, это был прямой путь к живописи. Тем более, что в своей свободной графике художник работал акварелью, пастелью, углем, тушью и белилами. Отдал дань Валентин Едемский и офорту, линогравюре. Настоящие шедевры, которые явились новым словом в изобразительном искусстве, художник создал в смешанной технике — тушь и белила. Эти необычные новаторские произведения стоят особняком в искусстве графики XX века.

Некоторые искусствоведы утверждают, что, работая над созданием экслибрисов, Валентин Едемский учился, изучал тонкости и секреты искусства ксилографии. Но как такой подход увязать с одним из первых отзывов об экслибрисах Валентина Едемского:

«Есть в его простых, но изящных и красивых по мысли знаках и покоряющая нежность, лирика человеческого чувств, бережное целомудрие в передаче своего графического языка. Он изобретателен в замысле и книжен в форме своих маленьких гравюр...». А это мнение строгого критика С. Г. Ивенского.

Известный вологодский искусствовед Л. Г. Соснина, так много уделяющая внимания творчеству Валентина Едемского, пишет в одной статье:

«Когда сегодня мысленно перелистываешь работы Валентина Ульяновича, видишь, как органично они вошли в общий поток вологодского искусства второй половины XX столетия. Как и большинство художников Вологды того времени, Едемский посвящает свое искусство родной земле, но находит в этой бесконечно огромной теме свою интонацию, свое видение. Реальная жизнь вологодской глубинки, которую он хорошо знал... стала основой его творческого мировоззрения. Личные воспоминания и впечатления художника приобрели в его произведениях черты общих чувств и мыслей поколения, рожденного и взрослевшего в трудные военные и послевоенные годы. Любовь к своей земле, благодарность людям, окружавшим и поддерживавшим его, наполняют каждое произведение художника. Наверное, потому есть в них особая мягкая лирика и чувство гармоничного равновесия. Это проявляется и в многочисленных рисунках, которыми он вошел в вологодскую графику, и в поздних живописных работах, где многокрасочно запечатлел природу родного края. Произведения художника — это запечатленные отголоски его чувств и размышлений».

сельским труженикам, к пейзажам его малой родины». Л. Н. Щетнев свидетельствует также, что Валентин Едемский не сразу решил заняться живописью. Все чаще уделял внимание краскам, он оставил свои графические достижения на самой высокой стадии развития. Время и обстоятельства подталкивали к этому не одного Валентина Едемского.

Теперь мы можем сказать определенно: слава Богу, что обстоятельства сложились таким образом. Сейчас просто невозможно представить творческое наследие замечательного мастера без его уникальной живописи. Она стала великолепным финалом красивой и достойной жизни в искусстве Валентина Едемского. Богатое творческое наследие Валентина Ульяновича Едемского вошло в сокровищницу русской культуры и изобразительного искусства XX века.

Время со всей очевидностью показало правоту художника, перешедшего от печатных техник к живому рисунку. Именно рисунок и позволил Валентину Едемскому во всем блеске и красоте раскрыться как самобытному и вдохновенному рисовальщику. Произведениям Валентина Едемского передавалось не только единственное в своем роде очарование природы его родных мест, но и само звучание топонимов малой родины художника: город Тарнога, речка Кокшеньга — это же звучит, как музыка, стихи, песня...

Здесь будет уместно привести небольшой фрагмент из воспоминаний коллеги и друга Валентина Едемского, выдающегося вологодского графика Леонида Николаевича Щетнева. Эти строки многое раскрывают в творчестве и характере героя нашей статьи:

«Мы обменивались работами, делились секретами, своими впечатлениями. Валентин быстро стал набирать высоту, хотя никогда не стремился ни к славе, ни к популярности. Он был азартным, увлеченным и мобильным человеком. Одним и тем же заниматься всю жизнь было не для него. Так, вырезав несколько гравюр небольшого формата, он быстро и легко перешел на большой формат станковых работ. Рисовал тушью, пером, углем или карандашом. Это были крепкие рисунки с необычайно смелой композицией. Главное, в них уже тогда видна была его глубокая любовь к

Москва

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

49

Обществ. совет: А. А. Грязев, Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Ю. М. Максин, А. А. Пошихонов, А. П. Смолин,
М. А. Полетова, М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адрес для писем: 160035, г. Вологда, ул. Герцена, 39 «б», к. 2.

Сдано в набор 26.09.07. Подп. в печать 10.10.07.
Заказ № 916

Вологда
2007